

Провинциальный часовщик. Повесть

Р. Г. Назиров

Экспериментальная задача.

Детективная повесть, написанная целиком штампами, с редкими искорками отстранения. Провинция. Русский Шерлок Холмс-ну, скажем, Василий Заблуда, родом украинец, по профессии-часовой мастер, а хобби-микроскопия и живопись. Пейзажи рисует. Молчалив, наблюдателен, физически очень силен, не пьёт (почти), не курит (совершенно). Каждое лето проходит с этюдником сотни километров, очень вынослив и ловок, холост в 29 лет, вечная рана первой любви. Живет с матерью в маленьком собственном домике, постоянно расчищает снег.

Если ему 29 в 1983 году, то он родился в 1954. Его отец, фронтовик, умер от ран в 1957 году, еще не старым, этак был 20-го года рождения. Он был сыном учителя, а прадед Василия был кунец первой гильдии и умер от пьянства в Париже. Обычная советская семья.

Учитель, сын кунца, порвавший с семьёй, в молодости эсер, потом беспартийный, умер в каторге в 1943 году, было ему тогда 53 года. В Тайшете умер. Не говорить прямо, что на каторге.

Друг Василия-эксперт-криминалист, охотно посвящающий часового мастера в секреты своего мастерства. Помогая ему советами, Василий обнаруживает исключительно аналитический дар.

С ним встречается начальник угрозыска и предлагает перейти на работу с ним. Но Василий отказывается: 1) любит свою работу; 2) ненавидит всякую писанину; 3) хочет каждое лето писать горы, лес и реки; 4) поздно учиться в заочном юрфаке, а без диплома в угрозыске тоже многого не достигнешь.

— Нет, это всё отговорки, — твёрдо заявил начальник.—Говори настоящую причину.

Василий вздохнул и выложил:

— Преступления неинтересные, много пачкотни. Квартирные кражи расследовать да воровство в складах-уж очень нудно и однообразное дело. Все жулики похожи друг на друга.

— А ты, я вижу, эстет!-в сердцах сказал начальник.

На лацкане его мундира сиял университетский поплавок, он даже читал «Исповедь Ставрогина» из романа «Бесы».

Но когда случается настоящее дело, то друг-эксперт просит Василия подключиться к следствию.

Оглавление.

- Пролог и обращение к читателю.
- Гл. 1. Неправильное отношение к милиции.
- Гл. 2. Роскошный труп.
- Гл. 3. «Врал ваш Сартин!»
- Гл. 4. Тупик.
- Гл. 5. Кабинет мечтателя.
- Гл. 6. Легенда о поджоге.
- Гл. 7. Дело ведёт волонтер.
- Гл. 8. Нонна и Эмма.
- Гл. 9. Нонна перестаёт существовать.

Провинциальный часовщик

Повесть

Пролог и обращение к читателю (одновременно)

Во глубине России есть город-промышленный центр областного значения, с педагогическим институтом, музеем, театром и старинной библиотекой. Он стоит на железной дороге, от него три часа езды до крупного областного центра. Где находится город, какая это область-не спрашивайте. Если даже догадаетесь, я не скажу ни «да», ни «нет».

В этом городе произошла одна любопытная история. С кем-вы скоро узнаете. Когда? В наши дни. Что ещё полагается писать в подобных вступлениях? Я пишу в первый раз, правил не знаю. Предупрежу-ка я читателей об одном важном моменте.

В этой повести-всё выдуманно. «Сплошное враньё», как говорит мой сосед Коровин, эксперт-криминалист, отшвыривая очередной детектив. Ну, может быть, и не всё у меня выдуманно, а процентов девяносто. Я в милиции не работал, с преступниками не был коротко знаком, а вот Коровина знаю и рассказов о его работе наслушался вдоволь.

Значит, моя повесть-не результат личного опыта и наблюдений. Ничего такого и не думайте. Это просто плод запойного чтения детективов — от Эдгара По до братьев Вайнеров. Подумалось мне: а чем я хуже? Попробую.

Если кто-нибудь вздумает вас уверять, что в повести описаны какие-то подлинные лица, то плюньте ему в глаза. Я не умею рисовать портреты, я всё выдумываю.

Назову я наш город просто Н., а притяжательное прилагательное от этого названия получится «энский». Сам я теперь исчезаю и больше вас своею болтовней надоедать не буду. Дальше пойдёт сплошное действие, как и положено в детективах.

Глава 1. Неправильное отношение к милиции.

Начальник энской милиции подполковник Иван Павлович Портнов шёл по улице Пушкина в 7 часов вечера.

Он у нас мужчина видный, под метр девяносто, а голос-высокий бас, как у Шаляпина. Ну, естественно, боевое прошлое, пронизательный взгляд, седые виски-стандартная внешность милицейского офицера из романов 40-х годов. Вот нарочно буду писать штампами. Чего ради писатели их боятся? Иван Павлович именно такой.

Он похож на михалковского Дядю Стёпу, который сделал карьеру от постового до начальника милиции города Н. Только немного ниже Дяди Стёпы и умудрённее.

Шёл он один, слегка задумавшись, и вдруг увидел, что из ресторана «Тайга» почти выпала молодая женщина высокого роста в шубке наотлёт и в шапочке набекрень. Лицо ее, бледное и высокомерное, хорошо знали в милиции: это была Инга Лаврентьева, бухгалтер кожзавода, самая красивая женщина в нашем городе.

Она казалось очень возбуждённой, что-то резко говорила, оборачиваясь в сторону двери, за стеклом которой маячила грузная метрдотель Кукушкина.

— Кукушкина, в чём дело?-спокойно и мощно спросил Иван Павлович.

— Здрасте, Иван Палыч, полюбуйтесь на эту скандалистку, три часа сидела, нивесть сколь вылакала да ещё буянит!

— Не имеешь прррава, выдра крашенная!-заявила городская красавица, борясь со своей шубкой.

— Почему подаёте больше ста грамм?-спросил Портнов.

— Да ко ж ей подавал? Её весь город знает. Когда захочет, её любой рад угостить. Ещё танцевать вздумала!

— Не имеешь прррава, филейная рожа!

-Прекратите дебош, — строго посоветовал Инге наш герой.

Он спокойно и крепко взял её за локоть, повернул и застегнул её шубку. Лицо её сразу стало смирным и по-детски печальным. Она и взаправду очень хороша собой: выглядит на двадцать пять лет, хотя ей больше.

— Они не имеют пррава, — уже спокойнее пожаловалась она Портнову. — Я только хотела вальс. . .

Глядя на её черные глаза под арками своих бровей, на бледное от алкоголя лицо и яркий рот, никогда не знавшие помады, Портнов невольно смягчился и сошёл со служебного тона.

— Зачем же Вы так, Инга? — спросил он.

— Вся жизнь. . . — начала она и всхлипнула.

— Может, Вас проводить? Я могу вызвать машину.

— Вдруг она выпрямилась и дико сверкнула глазами.

— Спасибо! — грубо сказала она. — Я знаю Ваш лимузин, мне очень не нравится его раскраска.

И, неестественно выпрямившись, стойким оловянным солдатиком двинулась через улицу. Портнов услышал, как она громко говорила сугробам и деревьям:

— Милиции мне только не хватало!

Он усмехнулся и одновременно сдвинул брови: есть у него такое выражение лица, и этой мины побаиваются самые бывалые сотрудники. Проводив её взглядом, чтобы случайная машина не задавила её, Портнов спокойно продолжил свой путь.

Теперь познакомьтесь со вторым героем повести: перед подъездом своего дома стоит, притопывая ногами, Саша Коровин, эксперт, мой старый знакомый. У его ног лежат уже два округа. Подходя к нему, Портнов бросил взгляд на свои наручные часы.

— Я не опоздал, Саша?

— Нет, просто я раньше вышел. Пойдёмте.

— Знаешь совет Суворова? «Держи ноги в тепле, голову в холоде, а брюхо в голоде.»

— Последнюю часть совета выполняю, Иван Павлович.

— А первую забыл! В нашем климате нельзя обуваться в такие ботиночки. Форсишь, Саша!

Но разговор не развернулся, потому что они уже пришли.

На улице Чапаева, в двадцати метрах от Пушкинской, стоит весёлый деревянный домик с зелёной крышей. В этом доме живет пожилая вдова Анна Сергеевна Заблуда с холостым сыном Василием, часовых дел мастером. Он и будет третьим героем моей повести. Хотя, возможно, я неверно расставил номера: всегда был слаб в математике. В этот домик на улице Чапаева, 27, и позвонили Портнов с Коровиным. Им открыла седая женщина с добрым лицом — сама Анна Сергеевна.

— Добро пожаловать, Вася вас ждёт.

Они разделись в маленькой прихожей и вошли в зал, весь увешанный пейзажами окрестных гор, лесов и рек. Создатель этих пейзажей стоял у накрытого стола и раскладывал вилки и ножи возле приборов.

Если писать по-тургеневски, то Василий Тимофеевич Заблуда — это стройный мужчина неполных тридцати лет, весом в 75 кило, с пшеничными, слегка вьющимися волосами. Лицо у него самое простонародное, не актёрское, не киногоеничное, но смекалистое и готовое к улыбке; зелёные глаза его широко расставлены, зубы крепкие и белые. Такие нравятся женщинам, но Василий и по сей день не женат. Человек он совершенно нормальный, и по его спокойной осанке нипочём не распознать ни его исключительную физическую силу, ни его ловкость. На нём была фланелевая рубашка и серые брюки. Он пожал холодные, твёрдые с мороза руки гостей и пригласил их к столу.

— Как погодка? — спросил он, берясь за графинчик.

— Ночью будет сорок, — ответил Коровин. — Наливай, надо погреться с мороза.

И Василий налил.

— У меня есть тост, — заявил Иван Павлович. — Давайте-ка выпьем за первый успех в нашем деле Василия Тимофеевича. Если бы не он, мы бы и за год не раскрутили эту махинацию с чешскими гарнитурами. Надеюсь, что это дело будет не последним успехов нашего. . .

Тут Коровин под столом деликатно наступил на огромную ногу Портнова. Вышла заминка.

— Ладно, о деле потом!-сказал Портнов.-Спасибо тебе, дорогой Вася! Тебе я переадресовываю благодарность руководства. Не я заслужил её, а ты. Твоё здоровье!

Мужчины выпили. Впрочем, Вася отпил меньше половины стопки. Он мало пьёт, не любит водки. Просто нагляделся на покойника-отца, который до конца своих дней продолжал принимать сильно увеличенный «наркомовский паёк». Правда, покойника трудно осуждать: его мучили боли, которые он пытался утихомирить водкой. Он и умер-то от последствий трёх тяжёлых ранений, когда Васе было только пять лет. Удивительно, что у больного и пьющего фронтовика мог ещё родиться такой здоровый сын!

Анна Сергеевна внесла огромное дымящееся блюдо пельменей, и душевная беседа потекла за столом.

— Вот скажи мне, Вася, — спросил Портнов, — как ты догадался выйти за Хантурина? Ведь по бумагам всё сходилось на Потапенко, мы думали, что он и есть авторитет во всём деле, а Хантурин просто случайно замешан. Прямо стыдно вспомнить, сколько мы с Потапенко провозились, сколько допрашивали, нажимали. А ты просто сходил разок на лыжах и открыл тайничок! Какая тебе сорока напророчила?

— Никакой моей заслуги в этом нет, — ответил Вася.-Просто сошлось несколько наблюдений, а потом как молния сверкнула. Из мелочей-то ведь и бьёт интуиция, всё нужно сначала под микроскопом рассмотреть.

— Какие же это мелочи?-спросил Портнов через два пельменя.

— Ну, скажем так. Я часовщик. . .

— Лучший в городе.

— Это неважно. Я часовщик, и у меня есть память. Вы знаете, какие часы всегда носил Потапенко?

— Нет, не знаю.

— Старый трофейный «Мозер», который его дед привёз с войны. Фамильная память. Я этот «Мозер» два раза чинил. Часы, конечно, солидные, но очень устарели. Однако Потапенко на другие и смотреть не хотел. А у Хантурина лучшие новейшие часы экспортного типа. У жены его тоже, у дочери тоже, у сына пятиклассника тоже.

— Смотря-ка, а ведь он старался скромно держаться.

—То-то, что старался, я видел, как он старается. Говорит, поехал в отпуск к тётце в Ленинград, а возвращаются оба, и он, и жена, коричневые,

как наши африканские братья. И кожа прямо выглажена Черным морем. Уж очень старался!

— Ну, это одна деталь, а еще?

— Второе то, что я не верю бумагам.

— Как так?

— На Руси у нас начать-нужны бумага и печать. Это все знают, в том числе и воры. Саша мне маленько рассказывал в следствии, ну, я и подумал: уж больно хорошо все бумаги выводят на Потапенко-подставной он в этом деле! А потом. . . Вы когда-нибудь слышали, как Хантурин поёт?

— У меня он «запел», -усмехнулся Портнов.

— Нет, я буквально. Он поет только хорошие песни-и всегда фальшивит. Ведь не споёт ничего нового, вроде Высоцкого, а всё больше коровит «Смело, товарищи, в ногу». И всё фальшиво.

— Странная у тебя аргументация! Может, ему медведь на ухо наступил.

— Может, и так. Только если человек всю жизнь поёт такие песни, а сам покупает у кемтых позорные фотокарточки, то значит вся его жизнь сплошная маскировка.

— Откуда ты знаешь?-в один голос спросили Коровин и Портнов.

— Пять лет назад я писал Ольховый берег. Сами знаете, там летом немало народу гуляет. Вижу, идёт Хантурин. Нагоняет его какой-то тип, трогает за руку, что-то жестами показывает. Остановились. Незнакомец что-то вынимает, Хантурин смотрит. . . тоже что-то вынимает. . . Разошлись. Я сижу, пишу Ольховый берег. Птицы поют. Через час возвращаюсь домой, смотрю-сидит на полустанке тот же тип, уже пьяный, ждёт поезда. Я сел на соседнюю скамью. Вдруг он встаёт, пересаживается ко мне, начинает мычать и вынимает из кармана, этак сказать, парный портрет. И растопыривает пять пальцев-купи, мол, за пятёрку. Я головой помотал, отодвинулся-и всё. Он ушел. Теперь я понял, что Хантурин у него купил. У нас ведь все знают друг друга.

— Да и мы Хантурина знали: мужик липкий, неприятный, но такой деловой, исполнительный такие речи говорил! В торговле у многих рыло в пуху, а за ним буквально ничего не водилось: ни ювелирных изделий не покупал, не кутил, семьянин отличный. Откуда нам знать, что он такой. . . такой. . .

— Фальшивый, — подсказал Вася.

— Вот именно!

— Вы казовую сторону брали, а милиция должна знать изнанку, — спокойно ответил Вася.

— Хм! — резко произнёс Портнов.-Казовую? Да мы всю их родню проверяли до седьмого колена. . .

— Не в родне дело.

— Бывает, и в родне. Ну, а на тайник ты как попал?

— Пустяк. Я всю округу на семьдесят вёрст обошёл, все наши горы-леса исписал, встречаю людей хоть дважды, так уж запомню. А Хантуриных я всегда встречал у Гиблого овражка: то мужа, то жену. Вечно с корзинкой, но я-то знаю, где грибы-ягоды растут!

— Я думал, что художник, когда малюет свои этюды, ничего другого уже не замечает, — заметил Коровин.

— Может быть, настоящие не замечают. А я замечаю, потому я не Саврасов и не Левитан.

Тут Анна Сергеевна подала ещё пельменей, и Вася разлил по второй, но сам больше пить не стал. Гости настояли, чтобы хозяйка присела с ними и выпили за неё. Плотная еда настроила всех благодушна.

— Ты куришь, Василий Тимофеевич? — спросил Портнов.

— Я нет, но вы курите. Мама любит трубочный дым.

Иван Павлович набил свою знаменитую трубку и закурил.

— Слушай, Вася, — осторожно начал он, — ты знаешь, у нас Козодоев сильно заболел. Ранили его на операции, ломан стукнули, гады. И Синявский перевёлся в другую область, астма у него началась. Нам люди нужны.

— Какие люди?

— Такие, как ты! — брякнул Портнов. — Переходи в угрозыск.

— Мне Саша уже предлагал, — ответил Вася, — Нет, не могу.

— Почему?

Наступила напряженная пауза.

— Во-первых, я люблю своё ремесло и приношу пользу.

— Насчет пользы мы можем и сравнить. Угрозыск, он что, чурки режет?

— Да, вы правы, угрозыск ещё полезнее. Ну, прямо скажу, я ненавижу писанину, а у вас нет дела без длинной бумажной волокиты.

— Но ты же культурный человек, Вася!

— Да хлопотно у вас! Я каждое лето брожу по лесам, я пишу, не без этого уже не хочется, а разве в угрозыске хватит на это времени? И потом без специальной подготовки там нечего делать.

— У тебя аналитический дар! — сказал Портнов.

— А что в наше время дар без диплома?

— Поступишь на юрфак заочно, мы поможем.

— Поздновато мне братья за высшее образование. . .

— Сто причин — не причина. Говори настоящую.

Василий засмеялся и ответил:

— Вас не обманешь.

— И не пробуй.

— Знаете что? Преступления неинтересные. Не стоит руки марать об этом жульё! Расследовать квартирные кражи да воровство на складах — дело нудное. Единственный миллионер наш уже сидит, вместе со всею

компанией. Я и ввязался-то в это дело из-за Потапенко, потому что вижу: напрасно его подозреваете, напрасно статью ему натягиваете. Халатность — это одно, а хищение — совсем другое. Нет, душа у меня не лежит к профессии Шерлока Холмса. Все воры похожи друг на друга. . .

— Здесь ты ошибаешься, — сказал Коровин.

— Но всё же преступления их однообразны.

— А ты, я вижу, эстет!-в сердцах сказал Портнов.

Он недаром носил университетский значок, Иван Павлович читал Достоевского, даже пропущенную главу романа «Бесы».

Он встал, выколотил трубку и начал собираться. Очень благодарил за угощение Анну Сергеевну, но видно было, что он обижен.

Коровин отнёсся к отказу друга философски: он мало надеялся на успех предложений Портнова.

— Всё же ты не прав, — сказал начальник милиции, прощаясь с часовщиком. — Неправильно ты относишься к нашей работе.

Его удивляло и злило, что молодой человек не проявил никакого восторга по предложению. Он простился с часовщиком сухо, а потом с Коровиным-невнимательно.

Вернувшись домой, Портнов коротко известил жену о неудаче своего плана.

— Не хочет переходить. Ломается, как Выборгский крендель. И уже раздеваясь ко сну, не удержался и вслух подумал:

— А жаль!

В 6 часов утра его разбудил телефонный звонок.

— Иван Павлович, простите, дело, — узнал он голос дежурного.

— Что случилось?

— Только что обнаружен труп, убийство.

— А что в нем. . . такого? — спросил Портнов.

— Уж очень дерзкое. В доме 42 по улице Будённого.

— Сорок-два-а-а? — переспросил Портнов. Высылайте за мной машину!

Он торопливо оделся и вышел из дома. По-прежнему стоял мороз, и редкие фонари волшебным светом освещали заснеженные деревья.

Подкатила машина. Портнов сел в нее и коротко кинул шофёру:

— К нам!

Адрес городской милиции в городе N.: улица Будённого, дом № 40.

Глава 2. Роскошный труп.

— Никто не входил в комнату?

— Никак нет, товарищ подполковник, — ответил сержант.

Стоя у порога, Портнов оглядел комнату, в которой произошло преступление: масса книг и художественных предметов, ковры выцветшие, много пыли, застойный воздух и, видимо, водятся мыши. Но всё это подробнее он рассмотрит потом. Труп хозяина лежал на боку, одетый в засаленный малиновый с золотым узором халат. Подполковник за всю

жизнь не видел таких халатов. Седая голова, подбородок уткнулся в грудь. . .

Труп лежал наискось, по диагонали; на лице его застыло выражение удивления. Из-под него вытекло большое количество крови, теперь уже застывшей; благодаря наклону пола, типичному для этого старого дома, часть крови просочилась под дверь в общий коридор коммунальной квартиры, и сосед, механик Сидоров, встав в 5:30 утра, чтобы идти на работу, сразу обнаружил преступление. Он вызвал милицию и помог взломать дверь.

На столике возле широкого дивана стояла открытая бутылка вина и две рюмки — одна пустая, другая полная. «Кто пил? — сразу подумалось Портнову.-Хорошо, если преступник!»

Дверь квартиры не была заперта, и в неё без стука вошла поднятая по тревоге группа во главе с Коровиным. Собака взяла след и повела своего проводника; Коровин начал фотографировать, лейтенант Ахметов записывал. Портнов пошёл на кухню, где неторопливо завтракала семья Сидоровых. Они, конечно, сочувствовали убитому соседу, но внутренне были развлечены, а Сидоров даже доволен своей ролью в обнаружении преступления и тем, что милиция попросила его задержаться.

Портнов уже знал, что убит пенсионер Новосильцев, ранее работавший оценщиком в комиссионном магазине, но до этого много переезжавший по Союзу. В городе Н. он поселился семь лет назад и нашел себе довольно любопытную, весьма пёструю по составу компанию, о которой тоже придётся говорить далее.

Портнов не успел поесть, и умная Сидорова, с одного взгляда угадав это, предложила ему разделить семейный завтрак. Но подполковник взял только стакан чаю и жёсткую казённую ватрушку. Он сел напротив механика и улыбнулся трём юным Сидоровым, окружившим своего отца.

— Кто вчера был у Новосильцева? — спросил Портнов.

— Весь день никого, — ответила Сидорова. — Он сходил на рынок, пожаловался, что морозно, и заперся в свою. . . комнату. в семь часов вечера вернулся с работы Иннокентий. Больше ничего не было.

— Как не было? А когда же приходил преступник?

— Да, правда! Часов эдак в шесть или немного ранее позвонили нам два раза — это значит, ему. Нам звонить три раза, Исаевой — один.

— Кто такая Исаева?

— Глухая старуха, с внучкой живёт, ровесницей нашей Тане.

— Продолжайте, пожалуйста: позвонили два раза.

— Я на кухне была, слышу — он шлепает открывать, что-то сказал и пошел к себе, закрылся. Я думала, ему телеграмму какую принесли. Минуток через пять или десять опять его дверь открылась. Ну, может, в уборную пошёл. Нет, наружная дверь щёлкнула и хлопнула. Я думала, ушел опять. А это, выходит, во-он кто ушел!

— Во сколько это было?

— Что?

— Ну, когда щёлкнул входной замок и захлопнулась за ушедшим дверь квартиры?

— В шесть часов, так я думаю.

— Вы имеете что-нибудь добавить, товарищ Сидоров?

— Ннет, ничего. Жена сказала, как спать ложились, неужто, мол, наш барин в городе ночует. . . Мы думали, его нет.

— Папа, — вмешалась пионерка Таня, — а ведь кровь уже была вечером! Я видела. Я думала, он варенье пролил, подёргала дверь, заперта, а стучаться не стала.

— А зачем дверь дёргала? Говорила я тебе, чтобы ты не смела к нему лазить? Говорила?

— Вы не ладили с покойным?—спросил Портнов у Сидорова.

Тот посмотрел на жену, она-на него; оба, казалось, слегка смутились.

— Нет, такого не было, — отвечал Сидоров, — никаких грубостей, скандалов, али чего там. Мы к нему не заходили без особой нужды, он к нам дале порога и не заглядывал. У него своя была жизнь. . . Человек образованный, вежливый. . . Что ему с нами? Мало говорили.

— А детей вы к нему не пускали из-за чего?

— А вы его комнату уже осматривали?

— Пока ещё нет.

— Вот посмотрите хорошенько, и сами всё поймёте.

Портнов не стал настаивать. Он попросил Сидорова ещё немного подождать, а сам пошёл к экспертам.

Коровин и врач Шварцман кончали осмотр трупа. В это время вернулся сержант и доложил, что собака потеряла след: в 6 часов 30 минут волна рабочих обувной и швейной фабрик прошла по улице, проехало уже несколько автобусов и грузовиков. . . след исчез. Портнов кивнул: он этого ожидал.

Наконец, Шварцман поднял к нему своё худое выразительное лицо с характерным носом.

— Проникающее ранение в сердце. Смерть наступила одиннадцать часов назад плюс-минус полчаса. Значит, вчера, около 18 часов.

— Сходится, — кивнул Портнов. — Орудие убийства?

— Трёхгранное, вроде стилета, очень острое. Удар нанесён снизу вверх с большой силой, но. . . мне кажется, как-то непрофессионально.

— То есть?

— Или убийца очень натренирован и с первого удара попадает в сердце, или удар случайный, просто усадил, испугался и убежал. Кроме этого ранения, никаких следов насилия, никакой борьбы.

Ахметов сказал тихо:

— Посмотрите, товарищ подполковник.

И отвернул на покойнике халат.

Халат был надет прямо на голое тело.

— Во-он как!-сказал Портнов.

Шварцман и Коровин согласно кивнули.

— Это в шесть вечера! Половой акт места не имел?

— Нет, товарищ подполковник, — твёрдо ответил Шварцман.

— А если у него были аномальные наклонности?-негромко спросил Саша Коровин.-Удар-то вроде не женский.

— Вроде, вроде!-сказал Портнов. — Давайте пока оставим гадание на кофейной гуще. Займитесь отпечатками. Потом поищем письма и прочие бумаги. Что с телом, Шварцман?

— Можно на вскрытие.

— Распорядитесь сами, я еду в горисполком, там у меня назначена важная встреча, через два часа буду у себя, жду заключений экспертизы. Срочно! Это дело нас позорит.

— Два часа мало, Иван Павлович.

— Сколько успеете! Ахметов, снимите показания у Сидоровых. Преступник вышел из дома в 18 часов. Опросите соседей. Всем действовать быстро. Проверьте руки и одежду убитого.

Выходя, Портнов посмотрел на ручку комнатной двери: нет, она была захватана многими пальцами, как и входная дверь. С отпечатками пальцев ничего не выйдет.

И он оказался прав.

Через два часа, вернувшись из горисполкома, он узнал, что в комнате убитого обнаружены только его отпечатки пальцев.

Преступник не тронул налитой ему рюмки. На полу не осталось никаких следов. В руках убитого ни одной нитки из одежды убитого. В комнате никто не курил.

Майор Шовкопляс, шеф розыска, казался смущённым.

— Зацепки нет, — признался он Портнову.-В шесть вечера кто-то приходит в коммунальную квартиру, с плотным населением, в большом доме, убивает и уходит, и ни одна душа не видела преступника. Ценности и деньги целы.

— Ты понимаешь, чем это пахнет? — спросил Портнов.

— Понимаю. Мотив ограбления отсутствует. Такие дела — самые трудные.

— И всё же есть у тебя зацепка.

— Какая?

— Покойник сам открыл дверь убийце. Значит, или ждал, или знал.

— Слабая зацепка, Иван Павлович.

— Слабая, не слабая, пока одна. Пошли посмотреть комнату. Коровина возьми. Шварцман пусть придёт, когда освободится.

И они втроём вернулись в мрачную комнату Новосильцева.

Труп уже был увезён, в остальном здесь ничего не изменилось. Бутылку и две рюмки стояли на столике возле широкого дивана. В неболь-

шом серванте красовались фарфоровые статуэтки — Мейсен, Саксония, а также немного хрустальной посуды, очень старой. Над диваном висела на стене плоская цветная аппликация японского производства: улыбающаяся гейша под зонтиком.

— Сто лет, не меньше, — сказал, глядя на неё, Коровин.

— Не сто, но семьдесят будет, — поправил подполковник.

Рядом с аппликацией была прищиплена цветная репродукция столь же древнего возраста: женщина в распахнутом пеньюаре рукой ласкает свой «венерин холм», а ногою придавливает голубя. Изысканный цинизм рисунка поразил всех.

— Это что за порнография?—спросил Портнов, усмехаясь и хмуря брови.

— Это всё же... по качеству судя... не порнография, — ответил Коровин. — Надо бы...

— Ну, что?

— Надо у Васи спросить.

Портнов перестал усмехаться и посмотрел на майора Шовкопляса. Тот медленно, задумчиво кивнул:

— Правда, Иван Павлович: Заблуда нам не помешает, у него глаз вострый, он много знает...

Портнов мрачно молчал. Шовкопляс уже знал о вчерашней беседе. Наконец, Портнов согласился:

— Езжай, Саша, привези его.

Коровин вышел, столкнувшись в дверях со Шварцманом.

— Что нового, Арон?—спросил Портнов.

— Это был сильно заточенный напильник, — ответил врач.—В принципе на любом заводе можно сделать. Убийца немного ниже Новосильцева: примерно метр шестьдесят восемь- метр семьдесят.

— Нда-а, — сказал Портнов.—Давайте смотреть дальше. Арон, поищи в доме его аптечку, разберись, какими лекарствами он пользовался. Потом съездишь в его поликлинику, полистаешь анализы, потолкуешь с врачами. Ну, не мне тебя учить.

Они начали систематический осмотр комнаты. На письменном столе стояла гипсовая статуэтка женщины, прикрывающей руками своё тело. Портнову показалось, что он где-то видел эту фигуру. Под стеклом лежало несколько открыток отечественного производства, с фотографиями античных скульптур, изображающих объятия обнаженных любовников и любовниц.

Было совершенно ясно, почему Сидоровы не пускали своих детей в эту комнату.

Шварцман нашёл аптечку покойника.

— Аспирин, микстурки, капли Зеленина, — доложил он. — Ничего особенного, Иван Павлович. Пожалуй, я больше в поликлинике узнаю.

— Будешь опрашивать врачей, обрати внимание на половую жизнь покойного.

Шварцман кивнул и ушёл. Через минуту появились Коровин и Заблуда. Часовщик сразу же ответил на все вопросы, накопившиеся у офицеров:

— Эта штука на стене — английская графика конца XIX века. Автор — Обри Бердслей, декадент. Это его иллюстрация к «Лисистрате», древнегреческой комедии на тему женской забастовки.

— Это как понять? — удивился Шовкопляс.

— Жёны решили не подпускать к себе мужей, пока те не бросят воевать.

— А зачем же она птицу топчет?

— А голубь-это птица Афродиты, богини любви. Эта женщина отказалась от любви, в знак этого она топчет голубя. Как видите, удовлетворяется без мужа.

— Ну, и как ты считаешь-это не порнография?

— По умонастроению художника-пожалуй, да. Но порнография бывает обычное без претензии на художественное качество, а этот Бердслей был способным художником и по-своему сумел выразить ту эпоху: конечно, в декадентском духе.

— Ясенько. А на столе?

— Венера Медицейская. Уменьшенная копия. Ну, это классика. Открытки — Амур и Психея, скульптуры Родена, всякая всяческая любовь.

— Это мы видим, — усмехнулся Шовкопляс.

— Эротикой тут прямо в нос шибает, — добавил Коровин.

— Деньги где?-спросил Портнов у Шовкопляса.

— Деньги здесь, 150 рэ. Есть немного женских украшений, мелочь, никогда не использовались, прямо в магазинных футлярах. На сотню едва наберётся.

— Это он для подарков держал. Документы?

— В письменном столе.

Документы не представляли собой ничего особенного. Пачку писем, перетянутых тонкой резинкой. Портнов положил к себе в карман. В тумбе письменного стола оказались набиты десятки банок со сгущённым молоком, тушёной, лососём, кофе и тому подобным. Это был целый склад.

Вася рассматривал книжный шкаф, до половины застеклённый. Тесными рядами стояли дореволюционные журналы «Аполлон» и «Мир искусства». Из книг выделялись одинаковые жёлтые томики «Тысяча и одной ночи», роман Октава Мирбо «Дневник горничной», романы Арцыбашева и Фёдора Сологуба, какого-то Милия Езерского, а из новых-«Таис Афинская» и Валентин Пикуль.

— Подбор специфический, — сказал Вася.-Покойничек был вроде бы эротоман.

Нижняя полка книжного шкафа содержала запас вина. В холодильнике было немного еды.

В маленьком шифоньере висели два костюма, старый и новый, несколько рубашек и галстуков и три дамских платья, новых, ещё не надёванных. В нижнем ящике — летняя обувь.

— Ты во что там уткнулся, Вася? Опять какая-нибудь похабная книга? — спросил Портнов.

— Нет, Иван Павлович, не книга, а поинтереснее для дела: альбом с фотографиями.

Глава 3. «Врал ваш Сартин!»

Все сгрудились над альбомом.

На первой странице красовался пожелтевший снимок-пятилетний мальчик в матросском костюмчике на фоне бутафорского пейзажа.

Далее юноша с первыми усиками стоит в узких брючках, заносчиво улыбается, положив ладонь на стол. На столе-статуэтка балерины.

Он же, тремя годами старше, на парной фотографии с томной блондинкой: ее платье глубоко вырезано, лицо красиво оклеено кукольными локонами. Он весь в белом, загорелый, в блестящими глазами. Их головы склонены друг к другу, и соотношение между выражениями лиц таковы, что не оставляет сомнений во власти блондинки над своим более молодым партнером.

Перевернув страницу, мужчины увидели ту же блондинку сидящей в постели. Одеяло на ней было сдвинуто ниже пояса, белья не было, и она, глядя с деланным испугом в объектив, закрывалась руками, но весьма неудачно, ибо её литые груди торчали по обе стороны скрещённых рук.

— Сильна! — прокомментировал Саша Коровин.

На следующем фото Новосильцев снялся в каком-то кабинете, за письменным столом, в добротном костюме и галстук-бабочке. Он держался с преувеличенной солидностью. На столе в пепельнице лежала дымящаяся сигара. В квадрате окна виднелся городской пейзаж.

— Снимок очень качественный, — заметил Коровин, — Бумага не наша.

Он вынул фотографию из альбома, перевернул её: на оборотной стороне было густо замазано чернилами несколько слов.

Далее следовала фотография фривольной дамы в чёрном пеньюаре, с сигаретой в длинном мундштуке. И это фото имело на обратной стороне замазанную надпись.

— Эти две надо взять на исследование, — сказал Коровин. — Может, прочитаем что-нибудь.

Портнов кивнул и перевернул страницу.

Фотография ног девушки-подростка, лежащей вниз лицом на траве. Фото молодой женщины спиной к объективу, во весь рост, на фоне окна: великолепные бедра.

Большой групповой снимок купальщиков и купальщиц на пляже. Фотограф, очевидно, стоял в воде; фоном служил красивый, пронизывающий солнцем лес, неясные фигуры проступали среди деревьев. Справа от группы была разостлана на траве скатерть, виднелись бутылки, тарелки с закуской, открытые консервные банки и ещё какие-то вещи. Лица участников группы свидетельствовали о лёгкой степени алкогольного опьянения.

Глава 3. «Врал ваш Сартин!»

Все сгрудились над альбомом.

На первой странице красовался пожелтевший снимок-пятилетний мальчик в матросском костюмчике на фоне бутафорского пейзажа.

Далее юноша с первыми усиками стоит в узких брючках, заносчиво улыбается, положив ладонь на стол. На столе-статуэтка балерины.

Он же, тремя годами старше, на парной фотографии с томной блондинкой: ее платье глубоко вырезано, лицо красиво оклеено кукольными локонами. Он весь в белом, загорелый, в блестящими глазами. Их головы склонены друг к другу, и соотношение между выражениями лиц таковы, что не оставляет сомнений во власти блондинки над своим более молодым партнером.

Перевернув страницу, мужчины увидели ту же блондинку сидящей в постели. Одеяло на ней было сдвинуто ниже пояса, белья не было, и она, глядя с деланным испугом в объектив, закрывалась руками, но весьма неудачно, ибо её литые груди торчали по обе стороны скрещённых рук.

-Сильна!-прокомментировал Саша Коровин.

На следующем фото Новосильцев снялся в каком-то кабинете, за письменным столом, в добротном костюме и галстук-бабочке. Он держался с преувеличенной солидностью. На столе в пепельнице лежала дымящаяся сигара. В квадрате окна виднелся городской пейзаж.

— Снимок очень качественный, — заметил Коровин, — Бумага не наша.

Он вынул фотографию из альбома, перевернул её: на оборотной стороне было густо замазано чернилами несколько слов.

Далее следовала фотография фривольной дамы в чёрном пеньюаре, с сигаретой в длинном мундштуке. И это фото имело на обратной стороне замазанную надпись.

— Эти две надо взять на исследование, — сказал Коровин.— Может, прочитаем что-нибудь.

Портнов кивнул и перевернул страницу.

Фотография ногой девушки-подростка, лежащей вниз лицом на траве. Фото молодой женщины спиной к объективу, во весь рост, на фоне окна: великолепные бёдра.

Большой групповой снимок купальщиков и купальщиц на пляже. Фотограф, очевидно, стоял в воде; фоном служил красивый, пронизывающий солнцем лес, неясные фигуры проступали среди деревьев. Справа от группы была разостлана на траве скатерть, виднелись бутылки, тарелки с закуской, открытые консервные банки и ещё какие-то вещи. Лица участников группы свидетельствовали о лёгкой степени алкогольного опьянения.

Новосильцев стоял во втором ряду, триумфально улыбаясь и держа за талию полную женщину в мокром купальнике. Она казалась центром группы.

— Сколько ему здесь лет?—спросил Портнов.

— Нет еще тридцати, — ответил Коровин.

— Значит...?

Коровин взял из кучки отобранных документов паспорт убитого.

— Родился в семнадцатом. Ровесник Октября.

Портнов бросил на него холодный взгляд. Саша покраснел.

— Какой национальности эта женщина?—задумчиво спросил Портнов.

— Не русская, это уж точно, — ответил Вася Заблуда.—Тип лица, оскал, медальончик на шее, даже изгиб тела... кокетство, так сказать, европейское. Вот-вот ногой дрыгнет! Латышка или эстонка...

— А если немка?

— Может быть.

— Саша, эту тоже возьми на исследование.

А далее они увидели фотографию мужчины с обнажённой девушкой на коленях. Портнов низко наклонился к альбому:

— По-моему, Хантурин!

— Лицо в тени...

На обороте этой карточки обнаружили надпись: «Язычнику от басурман. Смотри и завидуй!»

Далее пошли старые открытки: сначала голая женщина, обвитая змеёй...

— Это Штук, картина называется «Грех», — прокомментировал Вася Заблуда.— Это Бёрн-Джонс, «Колесо Фортуны». Буше, «Туалет Венеры».

И вдруг-фотография девочки лет четырнадцати, в ванне до пояса; снимок был сделан с помощью вспышки, лицо девочки казалось растерянным, рот приоткрыт.

— Это он захватил врасплох, — заметил Коровин.

На этом биография в картинках заканчивалась.

— А смелый был человек, — заметил Шовкопляс, — такой альбомчик прямо в книжном шкафу держал.

— У него должен быть фотоаппарат!—воскликнул Коровин, оглядывая комнату.

— Ну, допустим, что ж из этого?—спросил Шовкопляс.

— Как ты не понимаешь, Григорий Тарасович! А если в аппарате осталась непроявленная лента? А если там снимки людей из его окружения?

— И фотография убийцы в анфас и в профиль, — усмехнулся Портнов.- Мечты, мечты, где ваша сладость? Найти, однако же, стоило бы. Только нету здесь фотоаппарата, мы уже всё осмотрели! И нет никаких следов проявления или печатания снимков. Впрочем, и негде было бы. . .

— Подождите!-воскликнул Вася.

Он бросился к письменному столу, выдвинул ящик и отыскал в нём два пакетика. Это был нераспечатанный пакет фотобумаги, а другой уже использованный, набитый квитанциями прачечной и телеграфа.

— Бумагу-то он покупал, — заметил Вася, — а печатал ему кто-то другой. И фотоаппарат у него был. Смотрите.

Он указал на стену в углу комнаты.

— Что можно повесить на этот гвоздик?

— Гитару, например.

— Да ведь тут десять сантиметров от перпендикулярной стены, и гитаре будет неудобно.

— Проще всего спросить у Сидоровых. Кстати, их надо расспросить и о том, с кем водился Новосильцев, — ответил Иван Павлович.-Займитесь, Григорий Тарасович. Надо найти его женщин. Мне кажется, у всех у нас складывается единое мнение о преступлении, как и о личности покойного. Так или нет, Григорий Тарасович?

— По моему мнению, типичное «шершеляфам».

— Вы хотите сказать: убийство на половой почве?

— Точно так, Иван Павлович. «Ищите женщину», как сказал Наполеон.

— Мне сдаётся, это сказал Фуше, министр полиции, — поправил Портнов.

— Если вас интересует точное происхождение. . . — застенчиво пробормотал Вася Заблуда.

— Ну-ну?

— Говорят, что это сказал еще де Сартин, организатор первой сыскной полиции в Париже, в восемнадцатом веке.

— Ты слишком много знаешь, Василий Тимофеевич!-с шутливой угрозой сказал Портнов, и все с облегчением засмеялись.

— Так ты согласен, что это убийство из ревности?-спросил у своего друга Коровин.

— Возможно, — нерешительно ответил он.-Но тут ещё что-то примешивается. Не все данные собраны. Надо всё узнать об окружении покойника. И всё же. . .

— Что «всё же»?-жестко спросил Портнов.

— Нет, рано ещё говорить. . .

— Замахнулся, так бей!

— Мне кажется, нас запутывает личность покойника. Мы ничего не знаем о том, кто совершил преступление. Чутьём чую, что это не просто убийство на половой почве. Тут месть.

— Месть?-переспросил Шовкопляс.

— Чутьём?-усмехнулся Портнов.

Он бросил на Васю короткий одобрителный взгляд.

— Итак, Григорий Тарасович возглавит расследование. Заставьте побегать Ахметова. Василий Тимофеич, ты сможешь?

— Да, — ответил часовщик.

И началась лихорадка.

Угрозыск установил, что Новосильцев в прошлом встречался с Хантуриным, что у него был фотоаппарат, что в круг его друзей входили букинист Маркелов, инженер Брынов, кассир кинотеатра Шевлякова, учитель географии Сторецкий и некоторые другие лица. Все опрошенные отзывались о покойном с глубоким уважением, подчёркивая его ум, интеллект, начитанность и оригинальные взгляды на жизнь.

Ахметов даже съездил в исправительно-трудовое заведение, куда только что поступил Хантурин. Протокол допроса давал немного, но личный рассказ Ахметова кое-что прояснил.

— Когда я его спросил насчёт участия Новосильцева в деле, он даже засмеялся. . .

Хантурин смеялся над «догадками» сыщиков. Компания расхитителей не подпускала к делу посторонних, но в свои развлечения гостеприимно принимала интересных людей. Новосильцев умел удивительно рассказывать, знал занятные истории, пел иногда старинные шансонетки.

— А сколько он пережил!-говорил Хантурин.

Ахметов точно копировал интонации Хантурина, почтительные и восторженные. Очевидно, Новосильцев учил жуликов красивым манерам и «хорошему тону» — как за столом, так и в постели.

Хантурин передавал, как умел, рассуждения покойника о «свободе плоти» в древней Греции и о «языческом культе красоты». Покойник называл себя «эпикурейцем».

— Новосильцев говорил, что все коммунисты-ханжи и трусы, они боятся секса, потому что секс-это жизнь.

— Бред собачий!-отреагировал подполковник Портнов.

Из показаний врачей поликлиники и собутыльников Новосильцева удалось выяснить, что он в свои шестьдесят пять лет продолжал вести половую жизнь и имел кратковременные связи с женщинами, в том числе с Шевляковой и с Мартой Сторецкой, разведённой женой учителя географии.

Через пять дней после преступления майор Шовкопляс ворвался к подполковнику Портнову, у которого сидели Коровин и Заблуда.

— Всё закружилось!-триумфально крикнул Шовкопляс.

— Ты о чём?-спросил Коровин.

— Я нашёл его! Осталось только брать!-и Шовкопляс с довольным и усталым видом рухнул в кресло.-Слесарь Кондратьев! Убийство из ревности!

— И кого же он приревновал?

— Вы сейчас мне ахнете! Этот парень десять лет как влюблён в бухгалтера Лаврентьеву, с ума по ней сходит, а за Лаврентьевой года три уже волочился Новосильцев, даже бывал у ней дома. . . Всё ясно, всё стало на место! Шершеляфам!

— Погоди, погоди, — поморщился подполковник.-Ты где два дня пропадаешь? Тебя ребята искали, с ног сбились. . .

— Пришлось побегать, — ответил Шовкопляс. — Дело-то деликатное, в лоб нельзя, и я заходил сбоку. Да, прав был де Сартин!

— Постой, не шуми! Посмотри сначала сюда.

Только теперь Шовкопляс обратил внимание на дюжину фотографий, которыми был покрыт стол начальника энской милиции.

В центре стола лежал групповой снимок-компания на пляже, а вокруг него-снимки отдельных фрагментов его; в руках подполковник держал лупу.

— Бумага немецкого производства, Григорий Тарасович. Бутылки такой формы в России не производились. А вот за этой бутылкой. . . смотри сюда. . . лежит пистолет. Снимок сделан не ранее сорок четвёртого года.

Портнов посмотрел на ошеломлённого Шовкопляса и добавил:

— Так что врал ваш Сартин!

Глава IV. Тупик

Дело стало ясным, но не в том смысле, какой придавал ему майор Шовкопляс.

Убитый Новосильцев во время Отечественной войны явно находился на оккупированной территории. По меньшей мере четыре фотографии из его альбома оказались сделанными на бумаге немецкого производства 40-х годов. На главной из них удалось различить парабеллум и в отдалении — фигуру солдата в стальной каске. Форма бутылок и парабеллум свидетельствовали, что компания купальщиков в основном состояла из немцев или, по крайней мере, что немцы участвовали в пикнике. Дама в чёрном пеньюаре тоже была немкой, и надпись на обороте удалось частично прочитать, потому что слева она была недостаточно замарана. Удалось разобрать следующее:

Ich bin vom. . .

Auf Liebe

Dein schwarz. . .

Последнее слово явно обозначало «schwarz»; в целом надпись свидетельствовала (даже в таком неполном виде) о близких отношениях женщины и того, кому она подарила фотографию.

На фотографии, где Новосильцев сидел за столом в кабинете, удалось разглядеть в окне пирамидальный тополь. Значит, фото было сделано где-то на юге.

Письма, которые хранил Новосильцев, были тщательно изучены. Они хранились без адресов и конвертов, надписи не давали возможности установить личность корреспондентов, даты почти везде отсутствовали или сводились к указанию числа и месяца. Большинство писем было от женщин, в основном интеллигентного круга, и только одно письмо, патетически — жалобное и закапанное слезами, выдавало очень молодую женщину с низким культурным развитием. Она упрекала «Никодима Эрастовича» (т.е. Новосильцева) в обмане, в том, что он воспользовался её неопытностью. «Забыли как мне тело целовал?» — вопрошала неизвестная, подписавшаяся инициалом «А.» Для установления прошлого Новосильцева письма ничего не давали, кроме одной фразы: какая-то корреспондентка выговаривала ему за «профессионально торопливый стиль».

Вася Заблуда считал, что покойник был журналистом. Энские друзья Новосильцева ничего не знали о его прошлом. Одни говорили, что он происходил из дворян, другие — что его матерью была «актриса императорских театров».

В одном письме, написанном мужчиной, содержались какие-то любопытные намёки, но оно было адресовано не Новосильцеву и сохранялось им по непонятной причине. Привожу его полностью:

«Гришка, здорово! Рад ужасно, что ты вышел невредим из кровавых боёв и прочих передраг! Э. так обрадовалась, увидев твою симпатичную морду в журнале, что аж завизжала от радости! Поздравляю тебя с новой карьерочкой, ты из нас и впрямь самый умный. А мы с Э. живём в глуши, чистые, профильтрованные, работаем, вспоминаем минувшие дни и битвы, где мы с тобой вместе рубились. Память у нас пока хорошая, чего и тебе желаем.

Очень хотелось бы повидаться с тобой, поговорить, спросить кой-каких советов насчёт будущего, припомнить молодость, пехоту, вторую роту, рыжего дьявола, чёрного ангела, а также тех двух морячков, которые так браво держались до конца. Бытие определяет сознание, потому и у нас такое острое сознание. Верим, что ты поймёшь и поможешь. То есть поможешь нашему бытию определить наше сознание, как тебе желательно. Жди моего приезда, любовник последней королевы! Э. целует тебя в обе щёки и желает прежнего, неизменного здоровья.

О моём приезде дам тебе телеграмму.

Письмо было датировано: «Балаш, 2/V».

— Балашов, не иначе, — сказал Шовкопляс. — Но зачем нам этот неизвестный Гришка?

— Григорий Тарасович, — спросил Заблуда, — оно вам не нужно?

— Не вижу связи с делом.

— Позвольте мне взять его на денёк: скопирую и верну. Мне хочется над ним подумать, я вам клянусь вернуть завтра же.

— Бери! — отвечал Шовкопляс. — Смысла нету с ним возиться, но если хочешь. . .

— Я люблю загадки, а письмо это иносказательное, — пояснил Вася. — Попробую в нём разобраться.

Над подполковник послал запросы в соответствующие архивы и органы, а пока что угрозыск продолжал следствие.

Выяснилось, что Фёдор Кондратьев, передовой рабочий, 27 лет, действительно любил Ингу Лаврентьеву, а при одном упоминании имени Новосильцева, побелев от ярости, заявил:

— Хорошо, что этого пса убили, а то бы мне пришлось мараться.

В день преступления Кондратьев находился в двухстах километрах от Новосильцева, в производственной командировке (как наладчик). На вопрос об отношениях Инги к убитому ответил:

— Она его дурила, смеялась над ним, а он бегал за ней, как бобик! Плевать она на него хотела! Ему до неё было, как псу до луны!

Находя противоречия в этих объяснениях, Шовкопляс попытался «поднажать», но слесарь оказался строптивым и в детали вдаваться не захотел. Маркелов и Сторецкая показали, что Новосильцев бывал несколько раз в доме у Лаврентьевой.

Наконец, состоялся разговор и с Лаврентьевой. Подполковник Портнов вспомнил, как встретил её в день убийства. Она была пьяна, провела в ресторане три часа, пыталась танцевать вальс и, кажется, неудачно.

— Что вас связывало с Новосильцевым? — спросил Шовкопляс.

— Ничего меня с ним не связывало: иногда приносил коньяки, пытался дарить подарки. Пить я с ним не пила, а подарки не принимала.

— Были вы знакомы с Хантуриным?

— Скажите, с кем я в городе не знакома? Я всех знаю в городе, я здесь росла. С Хантуриным один раз выпивали за рекой.

— Эта девушка вам знакома?

— Фу, какая гадость! — она оттолкнула фотографию. — Не спрашивайте меня об этих тварях. Я их не знала и знать не хочу. Я ошибалась в жизни, но за деньги меня никто не покупал и не сможет купить!

— Что вы знаете о прошлом Новосильцева?

— Родители его были актёры, он из Ленинграда. . . Везде бывал, все профессии испробовал, очень разбирался в женщинах: специалист!

— Какова же его специальность?

— По-моему, у него было медицинское образование. Он считал, что надо говорить «схизофрения». Бормотал мне что-то странное о двух профессорах: один, профессор Ермаков, остался с носом, а другой, Берзинь, остался без носа. Вроде анекдота.

— Журналистом он не был никогда?

— Что вы! Журналисты все партийные, а он. . .

— Что он?

— Он всё хихикал. Нет, не похоже. Не думаю.

— Знал ли он иностранные языки?

— Немножко французский.

— А немецкий?

— Нет, не знал.

— Он занимался фотографией?

— Кажется.

— Вас не фотографировал?

— Этого мне только не хватало! Я бы не позволила. . .

— Значит, вы знаете, какие фотоснимки он предпочитал?

Инга закусила губу.

— Откуда же вы знаете? — продолжил настаивать Шовкопляс.

— У книжника видела, у Маркелова. Он их у покойника за книги выменивал.

Так выяснилось, что более двух третей эротической коллекции Новосильцева перешло к Маркелову. Эти фотографии отобрали у букиниста, но дело от этого ни на шаг не продвинулось.

Среди новых снимков, конфискованных у Маркелова, нашли семнадцать фотографий одной только Марты Сторецкой, в самых циничных ракурсах и позах. Удалось идентифицировать ещё два-три женских лица. Остальные модели остались неизвестными.

Приходилось подумывать о сдаче дела в архив. Подполковник Портнов ждал только ответа из органов специальной службы. Впрочем, и без того было ясно, что покойничек был человеком грязным, якшался с немцами, и кое-кто подумывал, что «туда ему и дорога».

Только Вася Заблуда неожиданно увлёкся делом. Он часами просиживал над копией выше приведённого письма, а потом, взяв две недели в счёт отпуска, зачем-то уехал в Москву. На все вопросы Саши Коровина Заблуда отвечал, что никаких успехов у него «пока нет» и что дело очень запутанное.

— Ключ в мотивах, — сказал он Саше уже на вокзале. — Если узнать мотивы, то мы легко найдём убийцу. Но мотивы придётся искать через личность убитого. В общем я считаю, что такой путь — шаблонный, а значит — неправильный. Но всё же надо его изучить.

И часовщик уехал в Москву, а зачем — не сказал. Он у нас застенчив, этакий гигант с детскими голубыми глазами. Ему не нравились иронические улыбки опытных сыщиков по поводу его увлечений и фантазий.

Отбушевали бураны, прозвенела первая мартовская капель, когда Заблуда вернулся в Н. Незадолго до конца рабочего дня он позвонил по телефону подполковнику Портнову:

— Иван Павлович, — сказал он поле первых приветствий, — как у вас сегодня вечер? Не заняты?

— Да нет, сегодня ничего, а вот завтра — очень насыщенный, трудный день. У меня есть гости из области.

— Не хотели бы поесть пельменей?

— Твоих-то? С удовольствием, но придётся без водки.

— Вот и прекрасно. Жду вас вместе с Саней.

— Нет, Коровин на экспертизе. Его пригласили в Кашино, там чертовски трудное дело. Садистское убийство. Он вернётся только через три дня.

— Тогда возьмите Шовкопляса.

— У тебя новости?

— Я смогу вам рассказать, кем был Новосильцев.

— Я тебе тоже одну вещь скажу: дело зашло в тупик.

— Вы так думаете?

— Уверен.

— Тогда до вечера. Часов в семь, как тогда.

— До вечера.

Подполковник положил трубку и задумался.

Глава V. Кабинет мечтателя

В 7 часов вечера Иван Павлович Портнов и Григорий Тарасович Шовкопляр вошли в дом Заблуды, приветливо встреченные его матерью и чудесным запахом варящихся пельменей. На этот раз подполковник принёс с собой небольшой портфель, закрытый на замок, и бережно положил его на диван в гостиной.

За плотным ужином Вася предложил не говорить о делах. Любопытство его гостей начало разгораться, и они в энергичном темпе разделались с пельменями, воздав хвалу кулинарному искусству Анны Сергеевны.

Затем Вася пригласил их в свой кабинет. Комнатка площадью в 8 квадратных метров и с одним окном в палисадник едва вместила трёх крупных мужчин — так она была заставлена.

На стенах не оставалось свободного места: одни книжные полки, забитые книгами, да пейзаж, изображавший туманное утро на обросшей лесом речке, да ещё старинные часы с маятником, парижской фирмы

Леруа, да одна репродукция картины Сурикова «Утро стрелецкой казни».

— Любишь Сурикова? — спросил Шовкопляс.

— Люблю всё русское, — ответил мимоходом Вася.

— А Суриков что, один русский художник, что ли? — ревниво спросил Шовкопляс, поклонник своего земляка Репина.

— Нет, не один. Но бывают такие люди, которые особенно сильно выражают свою национальность. . .

— Ну, и кто же по-твоему, самые русские? — спросил Портнов, садясь на стул под часами и облачаясь на письменный стол.

Вася потёр подбородок.

— Я думаю, — осторожно сказал он, — что Пушкин, Суриков, Мусоргский, Достоевский и лейтенант Седов.

На письменном столе стоял микроскоп и фотография в рамке: светлое девичье лицо, чуть наклонённое вперёд, с радостными ямками на щеках и извиняющейся улыбкой.

— Невеста? — не удержался Шовкопляс.

— Нет, первая любовь, — сдержанно ответил Вася.

Портнов посмотрел на него и невесело усмехнулся.

Между тем, хозяин выложил на стол толстую папку с бумагами, несколько книг с закладками и записную книжку.

— Садитесь поближе, — сказал он. — Надо поговорить.

Мужчины сдвинулись в тесный кружок.

— Не буду излагать аргументы, — начал он. — Сперва попытаюсь нарисовать вам биографию Новосильцева. Итак, он родился в 1917 году в Петрограде, в семье актёров. Можно также полагать, что муж его матери не был отцом Никодима Эрастовича. Он сам иногда намекал на своё «высокое» происхождение, есть свидетельство Маркелова. В журналах 1914–1920 годов я не обнаружил упоминаний об актёре по имени Эраст Новосильцев, в театральных мемуарах — тоже. Не исключено, что фамилия эта вымышленная.

Он получил, по-видимому, неплохое образование, с художественным уклоном. Высшего образования он скорее всего не имел, поскольку тогда в вузы не принимали детей бывших. Отличался здоровьем и специфической мужской силой, за которую и был прозван «Гришкой Распутиным».

— Как? — вскричал Шовкопляс. — Значит. . .

— Да, письмо из Балашова адресовано ему, но я вас попрошу на время воздержаться от комментариев и послушать, — веско сказал Вася.

Наступило молчание.

— В ленинградской прессе начала тридцатых годов, точнее с 1932 года, появляются фельетоны под различными псевдонимами, объединённые единством тона и стиля. Эти фельетоны, а также очерки и зарисовки критиковали мещанство, высмеивали бытовые недостатки, отражали культурную жизнь города. Все они характеризуются остроумием,

элегантным слогом, но поверхностны, иногда вычурны и перегружены литературными цитатами. Чувствуется, что эти опусы написал очень молодой человек, юнец, завсегда оперетты, фланёр по Невскому. . . Это одно перо, одна увлечённая, юношеская манера письма — самодовольная и неглубокая. Есть подражание Кольцову и молодому Эренбургу. Из сочетаний литературных цитат, образов, имён складывается впечатление о вкусах фельетониста. В этих вкусах полностью доминирует увлечение стилем «сецессии».

— А что это такое? — спросил Портнов.

— Это модернизм на переломе XIX и XX веков, особенно сильный в книжной графике и живописи. Длинные ленты, плавно извивающиеся в воздухе, цветы, странные и причудливые силуэты; характерна извилистая, эластичная линия, очень развито всякое украшательство. Любимые темы — эротика и смерть. Пример — Франц Штук, знаменитая картина «Грех»: голая женщина, обвитая змеем. Смесь изысканности с грубостью, элементы садизма. В литературе — это декаденты, Шницлер, Пшибышевский, Оскар Уайльд, итальянец д'Аннунцио, которым восхищался Муссолини, и куча других. У нас в первую четверть века переводили много такой литературы. . .

Словом, я выделил около двадцати пяти журнальных и газетных материалов этого неизвестного автора. Я выписал его псевдонимы: Ник Вольный, Эраст Новоржевский, Н. Счастливец, А. Несчастливцев, Эраст Новосильцев. . .

— Вот это уже интересно, — кивнул Портнов.

— С декабря 1934 года этот автор исчезает из советской печати и, как я полагаю, навсегда. В его материалах тридцать четвёртого года есть и прославление пятилетки, и ходячие цитаты из Маркса: его не за что было изгонять из прессы. Но я догадываюсь, почему он перестал писать.

После убийства Кирова из Ленинграда были высланы все представители прежних эксплуататорских классов. В качестве такового был выслан и Новосильцев. Думаю, что он оказался в одном из южных городов, где вступил в брак или в близкую связь с опытной женщиной старше себя, с которой и сфотографировался: этот снимок мы имеем.

— Почему ты думаешь, что снимок сделан на юге?

— Посмотрите на их одежду, — ответил Вася. — Не знаю, чем он занимался до двадцати четырёх лет. Но вскоре после начала войны он оказался на оккупированной территории. Там же, на юге, он вступил в сотрудничество с оккупантами и стал работать в местной газете, выходившей, по-видимому, на русском языке. Здесь он имел связи с двумя немками: одна полная, полагаю, что жена крупного военного или администратора, а другая — худощавая, несколько истерическая особа, которую он прозвал «чёрным ангелом». В компании таких же предателей и оккупационных чиновников Новосильцев участвовал в пикниках под охраной

немецких солдат. Вероятно, в качестве журналиста присутствовал при расстреле каких-то советских военнопленных.

После отступления вермахта, сменив место жительства и фамилию, он сумел избежать наказания и даже в чём-то отличился. Его портрет появился в каком-то советском журнале большого тиража. Один из его знакомых по оккупации, увидев этот портрет, обратился к Новосильцеву с письмом, в котором намекал на стеснённое положение и угрожал разоблачением. Это письмо Новосильцев почему-то сохранил.

Спасаясь от шантажа, он снова сменил место жительства и так делал несколько раз, пока в 1975 году не поселился в Н.

Его убили из мести. Или его убил человек, настроенный патриотически и мстящий ему за сотрудничество с врагом, или один из бывших сообщников по предательству. Новосильцев жил не по средствам, но не настолько, чтобы это было заметно. Его относительное благосостояние базировалось на подачках Хантурина и мелкой спекуляции. Нам нужно найти людей, которые жили в оккупации на юге; возможно, им уже около пятидесяти лет. . . Таких у нас не может быть много.

— А если убийца специально приезжал в Н.?

— А откуда он мог узнать о существовании тихого энского пенсионера и угадать в нём предателя-журналиста времён оккупации?

— погоди, Вася, — сказал Шовкопляс. — Откуда ты взял, что его прозвали Гришкой Распутиным?

— Обращение «Гришка» в письме — раз; «любовник последней королевы» в том же письме — два. Молва считает Распутина любовником последней русской императрицы, хотя он был связан не с ней, а с Вырубовой.

— А откуда ты взял «чёрного ангела» и его амурсы в оккупации?

— Я в Москве был не только в Ленинской библиотеке. Я разыскал немецких аспирантов МГУ и показал им фрагмент надписи на фотографии женщины с сигаретой. И они, вернее, один из них мне всё объяснили. Надпись полностью была такая:

*Ich bin vom Kopf bis Fuß
Auf Liebe eingestellt. . .*

Это переводится примерно так: «Я с головы до ног настроена на любовь». Такую песенку пела знаменитая актриса Марлен Дитрих в кинофильме «Голубой ангел», по-немецки «Der blaue Engel». Под надписью на фотографии женщины с сигаретой стояло «Dein schwarze Engel» — «Твой чёрный ангел».

Тогда я вспомнил фразу из письма той женщины, которая упрекала Новосильцева в торопливости стиля. Она ему писала: «Справа от тебя белый ангел, слева чёрный, не забывай о женщинах Тициана».

— А кто это «белый ангел»? — спросил Шовкопляс.

— Очевидно, его первая жена — блондинка.
— А «чёрный»?
— Немка с сигаретой.
— А причём тут Тициан? — не унимался майор.
— Притом, что он писал пышных красавиц с красно-рыжими волосами. Корреспондентка была именно этой масти.
— Всё это отлично, — сказал Иван Павлович Портнов. — Работу ты проделал громадную и кропотливую. Первый раз вижу, что искусствознание пригождается в криминалистике. Вообще вся разработка альбома — твоя заслуга. Ну, а теперь. . .

Он замолчал, вынул из кармана связку ключей, выделил самый маленький ключ и отомкнул им замок своего таинственного портфеля. Из него подполковник осторожно извлёк несколько страниц машинописного текста в пластмассовой обложке.

несколько страниц машинописного текста в пластмассовой обложке. Портнов вынул эти страницы, кашлянул, прочищая горло, и начал в слух читать долгожданный ответ.

Из чего явствовало, что Никодим Эрастович Новосильцев не числится среди граждан СССР, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами во время Великой Отечественной войны.

Однако почти случайно обнаружить следы человека, похожего на Новосильцева по биографическим и внешним данным. Это Николай Эрастович Неплюев, 1917 года рождения, уроженец Петрограда, сын шантанной певицы и поручика гвардии, по профессии антиквар, два года прожил на оккупированной территории. В 1944 году оказал ценную услугу комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний: с риском для жизни скрыл и передал комиссии половину архива гестапо в одном из городов Украины. При эвакуации фашисты не успели вывезти или уничтожить этот архив-половина попала в руки Неплюева, живущего поблизости.

Дальнейших сведений о гражданине Неплюеве не имеется.

— Так что никаких преступлений он не совершал, а если он и есть Неплюев, тогда наоборот, сделал доброе дело! — резюмировал Портнов.

Наступило молчание. С разрешения хозяина офицеры закурили: подполковник — свою трубку, а Шовкопляс-«Казбек».

— А знаете, — сказал Вася, — поступок Неплюева вписывается в схему поведения Новосильцева. Не зря ведь балашовский корреспондент назвал его «самым умным из всей кампании».

— Знаешь, Василий Тимофеевич, — ответил Портнов, — я люблю твои гипотезы, но в данном случае-документ очень авторитетный. Новосильцев был в оккупации, ясно; путался с немками-может быть. Работал журналистом в оккупантской газетке? Чистое предположение, без фактов. С тех пор прошли года. Некоторые из карателей 1943 года отбыли срока и вышли на свободу. Если Новосильцев и провинился в чем-то. . . Да нет,

не похоже. За что ему мстить? Кто мог бы мстить? Мотивы убийства неясны, скорее всё же на половой почве.

— Получается тупик?—Сказал Шовкопляс.

— Выходов не видно. Дело пойдет в архив.

Подполковник Портнов не мог предвидеть, что события ближайших дней полностью изменят его мнение.

Глава VI. Легенда о поджоге.

В один из мартовских дней погода сделала рокировку: вдруг повалил снег, столбик термометра снова опустился, и энские жители спешно сменили демисезонное пальто на свои уже надоевшие шубы и ватники. В этот день Саша Коровин и Вася Заблуда сошлись в перерыв, чтобы вместе пообедать в диетической столовой на улице Лермонтова. Готовили здесь чисто, цены были умеренные, и в начале перерыва очереди еще не было. Они уже кончали обед, когда на Лермонтовской раздались крики.

Несколько обедающих подскочили к окнам:

— Пожар! Моментальная горит!

Позже Коровин вспоминал, как Вася, услышав этот крик, на секунду застыл с открытым ртом и бессмысленным выражением лица. В следующую секунду Вася стрелой кинулся из столовой, через улицу, в горящую фотографию № 5, которую у нас называют моментальной.

Саша Коровин взял в гардеробной своё пальто и Васин полушубок, оделся и с полушубком в руках перебежал через Лермонтовскую. Перед горячей фотографией уже появилась толпа, которая росла с сумасшедшей скоростью. Чёрный дым валил из помещения, чувствовалась характерная приторная вонь горящего целлулоида. Вдруг из дверей выскочил Вася Заблуда, в крови и в саже, волоча под руки какого-то человека; сделав два-три шага, Вася повалился на снег и, видимо, потерял сознание. Коровин кинулся к нему; толпа занялась спасённым.

В горящем помещении начались мелкие взрывы. Лопалось стекло. Вася отдышался и встал; Коровин одел его.

Спасённый Васей человек всё ещё не приходил в себя и сильно кровоточил. Наконец, послышался вой сирен, примчались пожарники и скорая помощь.

Вася, кашляя и сипя, приказал Коровину:

— Вызывай Шварцмана и Шовкопляса... Потом осмотри фотоателье... Ищи все фотоаппараты... ручные...

Коровин повиновался ему безприкословно.

К счастью, Шовкопляс и Шварцман оказались на месте и прибыли мгновенно. Вася сел к ним в машину, и они помчались в больницу, куда увезли фотографа.

Коровин вслед за пожарными вошел в фотоателье, показав бригадному своему удостоверение. Огонь был локализован, в дыму двигались фигуры бойцов в асбестовых робах, слышались их весёлые и возбуждённые голоса, треск отдираемых досок. Приёмная почти не пострадала, обгорел съёмочный зал, почти полностью сгорела рабочая комната, где и начался пожар. В едкой химической вони, среди шипения мокрого, горелого дерева стен, Саша Коровин с помощью бойцов отыскал водочную бутылку с отколовшимся горлышком; в ней оставалось немного водки.

— Видал, как тут обедают?—крикнул Саше один из бойцов

Саша искал фотоаппараты. От трёх из них остались обломки. Большая камера на штативе, стоявшая в зале, уцелела. Больше он ничего не находил.

Подъехали Вася и Шовкопляс. Втроем они обшарили всё пожарище и нашли под грудой обломков маленький негоряемый ящик в углу рабочей комнаты; огонь не добрался до него. Выволокли сейф в приёмную. Бледная, растерянная приёмщица призналась, что впервые видит этот ящик. Послали за рабочими, закурили. Тут подошел подполковник Портнов и Шварцман, и тогда Саша Коровин узнал, что спасённый Васей фотограф был, во-первых, вдребезги пьян, во-вторых, пострадал от газового отравления, а в-третьих, ранен в легкое трёхгранным тонким стилетом.

— Точно такое же ранение, как на Будённого 42, — спокойно сказал Шварцман.— Но удар неловкий, жизненные центры не задеты, ранение неглубокое.

— Ты уверен, что такое же?—спросил Портнов.

— Я семнадцать лет занимаюсь медицинской экспертизой, Иван Павлович!—самолюбиво ответил Шварцман.

— Не лезь в бутылку, Арон! Ты специалист, это все знают.

Приехали двое рабочих с инструментами. Тут же вырезали замок сейфа. В нём оказались лампа-перекалка, новенький мужской свитер, пыжиковая шапка, бутылка шампанского, бутылка водки, а еще какая-то грязная мужская рубашка, в которую были завернуты два толстых пакета чёрной бумаги, туго набитые и заклеенные изолентой.

Портнов сам отодрал изоленту. Один пакет был набит деньгами — червонцами и четвертными.

— После сосчитаем!—сказал Портнов.

Во втором пакете оказались фотографии.

Подполковник вытащил одну, тихо свистнул и тут же сунул обратно в пакет. Он завернул оба пакета в ту же грязную рубашку и встал.

— Оно, — сказал он.—Поехали, ребята!

— А что с этим делать?—спросил Вася, кивнув на вещи из сейфа.

— Перепишите и отдайте на сохранение приёмщице. Нам некогда с барахлом возиться.

Все отправились в городское управление милиции.

В кабинете Портнова сосчитали деньги, их оказалось 675 рублей. Потом извлекли фотографии.

Их было двадцать кадров, каждый по три экземпляра. На всех снимках — одна и та же девочка, та самая, которую они уже видели в альбоме Новосильцева, только она сидела в ванне, а здесь была сфотографирована в постели. . .

— Акробатика на простынке, — сострил Шовкопляс.

Мужчины делали невозмутимые мины, разглядывая эти снимки, но им было трудно скрыть друг от друга инстинктивное возбуждение. Девочка была очень красива.

— Покойничка работа, — сказал Коровин, имея в виду Новосильцева.

— Несомненно!-сурово откликнулся Портнов.

— Вот мы и помощника нашли, — тихо заметил Вася.

— Какого твоё мнение?

— Убийство Новосильцева совершено из мести, — твёрдо сказал Вася.- Нужно искать среди несовершеннолетних.

— Что искать? Убийцу?

— Убийцу или её, — ответил Вася, кивая на фотоснимки.- Такое дело закрыть трудно. Убийство плюс покушение на убийство плюс поджог фотоателье. . . За всем этим один человек.

А был ли поджог-то?-возразил Шовкопляс.-Этот тип пьян в стельку. . . потерял осторожность, закурил. . .

— Фотограф у себя среди лент и бумаги никогда не закурит

— Лихачи везде случаются.

— Да курит ли он?

— Хватит спорить!-приказал Портнов, запирая деньги и фотографии в свой сейф.-Шовкопляс и Заблуда-в больницу! Остальные-по своим местам! Прошу помнить о дисциплине и ничего не разглашать. Пошлите кого-нибудь опросить людей, проживающих возле фотографии № 5.

Вася и майор Шовкопляс поехали в больницу.

— Пострадавший пришел в себя, — сказал им врач, — но говорить ему нельзя, а он сквернословит. Мы ему сделали укол, пусть проспится. Приезжайте послезавтра!

— Нечего делать, — вздохнул Шовкопляс.

Они уже уходили, когда врач окликнул их:

— Кстати, скажите хоть его имя и фамилию!

Шовкопляс заглянул в блокнот:

— Роберт Исаев.

— Спасибо.

— Исаев, Исаев, — задумчиво бормотал Вася.

В коридоре больницы он внезапно остановился и потянул за руку Шовкопляса.

На стульях в коридоре сидела сгорбленная старуха с внучкой. Голова старухи тряслась, из-под шали выбились седые космы волос. Она

глядела в пол и что-то беззвучно бормотала, словно молилась. Девочка испытующе смотрела на всех проходящих.

— Кого ждете, мамаша?—спросил Вася.

— Она не слышит, — ответила девочка.—Мы сестрицу ждем.

— Какую сестрицу?

— Тётю Катю.

— Зачем?

— У нас дядю Робу ранили.

— Роберта Исаева? Он твой дядя?

— Да, он бабушкин сын.

— А где вы живете?

— Будённого сорок два, квартира одиннадцать, — замученно отбарабанил девочка.

— Никодим Эрастович у вас ведь жил?

— У нас. Он мне куколок дарил. Его убили бандиты.

— Складывается, Григорий Тарасович?—спросил Вася.

Шовкопьяс кивнул.

Они вернулись в управление. К концу рабочего дня приехал Ахметов и привез новости.

Оказалось, что фотоателье № 5 имело чёрный ход во двор. Дети во дворе утверждали, что среди дня из этой двери вышла во двор огромная страшная женщина, вся одетая в чёрное, перешла через двор и сквозь пролом в изгороди выскочила во двор на Чапаева семь. Две пенсионерки показали, что из «моменталки» вышел чёрный мужик с пустой хозяйственной сумкой; в остальном показания совпали. После выхода этого мужика или бабы начался пожар.

Соседи, лично не видевшие пожара, распространяли по городу сумасшедшие слухи.

Утверждали, что Робка фотограф, известный пьяница и жулик (он никогда не возвращал взятых взаймы денег), оказался американским шпионом, что на нём нашли фотографии наших военных объектов и тысячу долларов денег; самые осведомленные добавляли, что в дело уже вмешался комитет госбезопасности и что в больнице у его постели дежурят два чекиста с пистолетами.

Когда в будничной жизни города происходит какое-нибудь событие, то люди, живущие по соседству с местом события, оказываются в центре всеобщего внимания. Они счастливы и горды этим вниманием, они не могут упустить такого шанса самоутверждения. Осведомлённость о событии оказывается гарантией из важного, хотя и преходящего значения. Стремясь раздуть это значение, они дополняют случившееся деталями из аналогичных событий, извлеченных им по личному опыту или по прежним рассказам. Во второй передаче эти сравнения(первоначально добросовестные предположения) оказываются уже прямо приписанными

актуальному событию. Так работает механизм современного городского мифотворчества.

Необычайно важно знать объективные закономерности мифотворчества, чтобы уметь анализировать легенды и выделять из них рациональное зерно.

Большинство «мифотворцев» сходилось на том, что на Робку Исаева покушались и «моменталку» подожгли его сообщники с которыми он не захотел поделиться деньгами. Тысяча долларов росла и приближалась через день к трём тысячам; спустя ещё три дня сумма достигла десяти тысяч. Выше она не поднялась, поскольку из милиции просачивались более достоверные сведения.

Исаев, оправившись немного от раны, дал показания. Он признался, что был пьян и что он курит, но категорически отрицал факт курения в тот роковой обеденный перерыв. Он задремал в кресле во время проявления ленты и проснулся от боли; он встал, и тут же начался пожар. Больше он ничего не помнит.

— Значит, спящего кололи, — суммировал Шовкопляс.—Эх, найти бы этого гада с сумкой!

— Да, удар был нанесён спящему, — ответил Вася, потому он и оказался таким слабым и неуверенным.

Исаев признал, что проявлял и печатал ленты своего соседа по квартире. Фотоаппарат Новосильцева был уничтожен пожаром.

— Кто эта девочка на обработанных вами снимках?

— Не знаю, — ответил Исаев.—Я делал за деньги. Моё дело сторона. Не шейте мне нахалку, начальнички!

Глава VII. Дело ведёт волонтёр.

На совещании у подполковника Портнова выяснилось настоятельная необходимость, чтобы Шовкопляс срочно занялся несколькими квартирными кражами в Северном районе. Там действовала одна шайка, причём действовала исключительно дерзко, в дневное время, обычно с 2 до 5 часов.

— После уроков в школе, — уточнил Вася, тоже приглашённый на совещание.

— Что ты хочешь этим сказать, Василий Тимофеевич?

— Это работа подростков.

— Кто-то ими руководит, потому что замки вскрываются квалифицированно. Григорий Тарасович, надо действовать очень быстро, пока они не успели сплавить вещи.

— дело по Будённого, 42, и по «моменталке» кому передать?

— Пусть это дело продолжит лейтенант Ахметов, а в придачу ему пойдет наш помощник — Заблуда.

Все переглянулись.

— Иван Павлович, — слегка смутившись, сказал Вася, — я хочу вам помочь, но у меня в часовой мастерской и так недовольны. . .

— Попросим откомандировать тебя в распоряжение милиции с сохранением зарплаты сроком на две-три недели. Как ты думаешь, Терентию Петровичу твои начальники не откажут?

— Нет, ему не откажут, усмехнулся Вася.

Терентий Петрович Колонских-это «мэр города», человек весьма уважаемый.

— Мустафа Ахметович, прошу тебя работать в тесном контакте с Заблудой. Ты будешь вести дело до возвращения его в руки майора Шовкопляса, и ты за дело отвечаешь. Но советуйся с Заблудой и учитывай его предложения. Он уже внёс большой вклад в решение нашей задачи.

По окончании совещания Портнов попросил ещё задержаться Ахметова и Заблуду.

— Значит, так, — сказал он им, нервно переставляя по столу бесплодную чернильницу, — договариваемся считать, что в деле вы оба равны. Ты, Мустафа Ахметович, толковый и исполнительный работник, а Василий Тимофеевич-просто талантливый человек. Надо вам петь в унисон, понятно?

И тут татарин впервые показал свой характер.

— Шан Павлович, — сказал он, — разрешите сказать начистоту.

— Давай.

— Я так понимаю, что я грамотный офицер и умею крепко вязать. Это верно?

— Это точно, Мустафа Ахметович. Тебе надо на медведя охотиться.

— Я на медведя охотился. Но в таких делах, Василий гораздо сильнее. Зачем нам втроем играть в игру? Скажите прямо, что дело ведет Заблудин. Я сам себя довольно уважаю, своё умение знаю, мне никакой обиды не будет. Притворяться нам зачем?

— Ты молодец, Мустафаф Ахметович, ты прямо сказал. Но я не имею права поручать дело человеку со стороны. Официально он только помощник, а отвечать тебе.

— Я отвечу, если официально. А по работе не будем врать друг другу. Я Василия видал в деле, он сыщик от бога, его учить не надо. Много понимает, я так не понимаю. Он главный.

И Ахметов, повернувшись к Заблуде, сказал:

— Командуй, Вася!

— Дай руку, Ахметыч!-сказал полковник.

И все трое мужчин обменялись немым рукопожатием.

— С чего начнём, Васили Тимофеевич?-спросил Ахметов.

— Выберем из карточек Новосильцева ту, где лучше видно её лицо. Надо переснять лицо и пройти по детским комнатам милиции. Эта девочка где-то в городе. . .

— Значит, всё же «шереляфам»?-спросил Портнов.

— Это как понимать. В сущности, всё-таки убийство из мести.

— Ох, и упрям же ты, Вася!

— Дайте срок, и вы согласитесь.

— Большого срока не дали. Что ещё?

— Показать фото Брынову, Маркелову, Сторецкому, Шевляковой, Марте Сторецкой, Инге Лаврентьевой. Может, они видели эту девочку в обществе Новосильцева.

— Это понятно, а что кроме? Обходить людей с карточкой-длинная дорога, -сказал Портнов.

— Если идти сразу тремя длинными дорогами, то время пути к общей цели сократится втрое.

— Ты говоришь загадками. Что конкретно?

— Иван Павлович, нужно от вашего имени послать два письма: а Балашов и в Ленинград.

... Начались хлопотливые будни.

Ахметов и Заблуда встречались со всеми работниками детских комнат милиции. Все показали, что девочка с фотографии ни разу не была зарегистрирована или просто замечена в каких бы то ни было случаях нарушений, проступков или просто озорства. Лицо её никому не было знакомо.

Ахметов посетил Брынова-хмурого, растерянного человека, который тяжело переживал скверные открытия, сделанные милицией в его прежних знакомствах. Брынов не знал этой девочки, но обещал примечать и, если случится её встретить, оповестить Ахметова.

Шевлякову Ахметов застал в весёлой компании, за столом. Здесь была и Инга Лаврентьева, но Ахметов точно соблюдал заранее расписанное условие: кому с кем говорить. Он попросил только Шевлякову выйти покурить на лестницу и показал ей фото.

— Эта девочка есть в альбоме покойного Новосельцева!-воскликнула Шевлякова.-Я видела, как он на неё смотрел, аж слюни у него текли! Мы с ним тогда поругались.

— Кто она такая?

— Не знаю. Она где-то возле города живет.

— Кто её отец, мать?

— Я думаю, сирота. Наверное, с бабкой живет. Он тогда сказал мне по пьяному делу: «Вытащу я эту цыпочку из-под клушки!»

Но больше Шевлякова не знала.

Третьим номером у Ахметова стоял Маркелов. Это был самый трудный собеседник.

Букинист Маркелов жил с двумя почти взрослыми детьми и с тещей. В доме у них царил вечная война. Жена Маркелова умерла два года назад. Сам он был похож на цыгана: чёрные с проседью кудри, оемненные глаза. Худощавый, низкорослый и тщедушный, он весь был исполнен необычайной внутренней силы. Это не была духовная сила: в каждом

взгляде, в каждом слове, в каждом жесте Маркелов кипели неутолённый темперамент и стихийная злоба.

Милицию Маркелов ненавидел. Он считал, что его ограбили. Несколько десятков лучших книг он отдал Новосильцеву за его фотографии женщин, которые Маркелов никогда бы не мог увидеть вживе. Ибо Новосильцев не отдавал ему эских фотографий, кроме снимков Марты Торецкой, жещины совершенно безвольной, и двух-трёх общедоступных девчат. Все остальные снимки, конфискованные у Маркелова, были старые: возможно, даже и не Новосильцевым сделанные. Может, он и сам не знал этих крутобёдрых красавиц.

Фраза, которой Вася советовал начинать разговор: «Мы просим вашей помощи» — в случае с Маркеловым возымела обратный эффект. Маленький букинист сразу взвился на дыбы.

— А почему я должен вам помогать? — оскалился он. — Возможно, в моих интересах мешать вам, а не помогать!

Но Ахметов правильно прочёл его внутреннее содержание. Кипучая злоба Маркелова прикрывала бездну трусости и отчаяния, потому что он любил жизнь и женщин, но ни в том, ни в другом случае не пользовался взаимностью. И Ахметов рискнул:

— Ну, ладно, не должны помогать. Будем считать, что мы оба ничего не должны. Тогда мы дадим ход законному преследованию.

— Какому такому преследованию?

— В каких вы отношениях с Верой Шапошниковой?

— Сто человек с ней в таких же отношениях.

— А сколько ей лет, вы знаете?

— А мне плевать, сколько ей лет! Не я первый, понятно? И вашу знаменитую статью вы мне не пришьёте!

— А мы не будем вам шить ту статью. Мы просто подыщем вам другу работу.

Маркелов побледнел и перекосялся. Он крепко прирос к букинистическому отделу и освоил секреты профессии, в том числе негласные пути извлечения дополнительных доходов. Он не хотел бы уходить из магазина. И он сдался.

— Чего вам надо?

Тогда Ахметов показал ему фотографию.

Маркелов долго боролся с собой.

— Прошлым летом, — заговорил он, наконец, — один раз я её видел.

— Где?

— Здесь, в городе. Когда рабочий день кончился, я вышел из магазина вместе с Никодимом Эрастовичем. Через Советскую площадь переходила группа ребят, человек пять, и среди них шла эта кошечка. Она увидела нас, закричала: «Дядя Ника!» — и кинулась прямо к нам. Он вроде испугался, отвёл её в сторону, и они немного поговорили. По-

том он подошёл к мороженщику и куил штук десять эскимо, и побросал ей в подол платья, а она держала так что видно было трусики.

— А что потом?

— Потом она так весело ему кивнула и побежала к мальчишкам, и они брали у неё из подола эти эскимо.

— Сколько ей лет?

— Не больше четырнадцати. Но она очень зрелая.

— Рост?

— Метр пятьдесят пять-шестьдесят. . . Точно не скажу. Почти с меня.

— Как она была одета?

— Короткое белое платье, подпоясанное красным пояском, белые носки и красные туфли. Белое и красное — довольно стильно.

— Волосы?

— Две косицы с белыми бантами, сцеплены на затылке.

— Загорелая?

— Да, но очень лёгкий, золотистый загар.

— Похожа на спортсменку, на гимнастку?

Тут Маркелов снова ощерился: это заменяло ему улыбку.

— Вы читали рассказ Бунина «Лёгкое дыхание»?

— Какое это имеет отношение к существудела?

— Если не читали, то вы её не поймёте.

Но Ахметов, густо покраснев от гнева, ломая карандаш, записал в блокноте: «Лёгкое дыхание». Он полагал, что Вася Заблуда разберётся. И он не ошибся.

Тем временем Вася опрашивал других людей. Он взял на себя обоих Сторецких и Лаврентьеву.

Сторецкий, учитель географии, был одним из самых популярных людей в своей школе. Его вечно окружали мальчишки и девчонки, он был любезен, остроумен, всегда элегантно одет, гладко выбрит, и его высокий лоб увенчивала пышная, полуседая шевелюра, словно корона из старого серебра. Когда Вася Заблуда явился к нему домой, на что предварительно испросил разрешение, у Сторецкого сидело трое ребят: двое играли в шахматы, а третий оформлял альбом на тему «Широка страна моя родная», безжалостно используя при этом журналы «Смена», «Огонёк» и «Советский Союз».

Вася не уловил сигнала или жеста, который подал ребятам учитель, но только все трое мгновенно испарились.

— Любят они вас? — спросил Вася.

Сторецкий пожал плечами.

— Они же чистые души, любому готовы открыться, кто по-человечески к ним отнесётся.

— А что значит «по-человечески»?

— Как к равным себе, взрослым, с уважением, с интересом, без педагогического вранья и сюсюканья. . . Им можно говорить всё, они очень и очень не глупы.

— Может, не стоило их отсылать?

— А в чём дело?

Вася показал фотографию девочки.

— Нет, они её знать не могут, — ответил спокойно Сторецкий. — Она не из города.

— А откуда?

— Из Заречной слободы. Она у юных «болотников» ходит в атаманшах, вроде Маруси-анархистки.

— Вы уверены

— Совершенно уверен. Однажды летом я провожал одну даму на окраину города. Не спрашивайте, какую дам, это к делу не относится. Вы знаете, с женой я развёлся. Проводив эту даму, я возвращался по Успенскому въезду. Знаете эти места?

— Конечно.

— Навстречу мне из города спускалась девочка в белом. Я думал, с танцев идёт, но нет, слишком молода. Я её спросил — тихонько, вежливо: «Не поздно ли гуляете?» Она останавливается, смотрит на меня в упор (глазищи при луне — как чёрные озёра) и с улыбочкой так отвечает: «Что, старый хрыч, на свежатинку потянуло?» И вдруг кладёт два пальца в рот и свистит три раза. Смотрю — снизу бегут два «болотника», лет по пятнадцати. Один подбежал и хлестнул меня по лицу гибкой проволокой. Посмотрите — видите шрам? Бровь он мне рассёк. Сасибо доктору Николаеву, отлично зашил.

— А девочка?

— А она спустилась к реке, села в лодку, «болотники» — за вёсла, и отчалили. Я одымался по Успенскому въезду и ещё далеко слышал, как они смеются. Так что ваша клиентка — из слобод.

— А до и после этого случая её не видели?

— Нет, никогда.

Вася поблагодарил и распрощался с учителем.

Марта Сторецкая работала на швейной фабрике, она была секретарём директора. Это роскошная русская красавица, с льняными кудрями и голубыми глазами; в сущности, очень несчастная женщина. При всём её физическом великолепии, она не может иметь детей (видимо, сама виновата в этом, прервала первую беременность). Между тем, Марта их очень любит. Она пытается добиться невозможного, ища самых сильных и здоровых мужчин. Это сделало её притчей во языцех. Директор фабрики,ю однако, удерживает её, потому что Марта — великолепный секретарь, всё помнит, со всем справляется, стенографирует, печатает, умеет ладить со всеми и в экстренных случаях заменяет то отдел кадров, то диспетчерскую службу.

Вася созвонился с ней, и она охотно назначила ему деловое свидание у себя дома. Жила она одна и встретила Васю в халате; в комнате, служившей и гостиной, и столовой, был накрыт стол на двоих. Настроение у Марты было великолепное.

— А ведь я давно тебя заметила! — говорила она. — Ты почему часовщик? Из тебя молотобоец хороший получился бы. И что ты всё деревья малюешь, написал бы к примеру меня в виде Венеры!

Она заставила его выпить стопку и перетянула к себе на диван. Вася уже со скукой подумывал о том, что и ему придётся разделить сомнительную честь её неисчерпаемой страсти, но всё же посмел:

— Извини, Марта, давай сначала кончим дело, а уж там. . .

— Давай, давай твоё дело! — подхватила она. — Чем скорее кончим, тем скорее и начнём!

И расхохоталась, сверкая всеми своими тридцатью двумя зубами: румяная, вальяжная. «Мчта Кустодиева!» — подумал Вася, вынимая фотографию.

Марта при виде этого лукавого полудетского лица с прекрасными тёмными глазами вдруг перестала смеяться и побледнела.

— Ты зачем это принёс? — спросила она.

— Кто эта девочка?

— Я ничего не знаю! — крикнула Марта, вскакивая.

— Понял, понял, ты ничего не знаешь, — успокаивающе сказал Вася. — Но эту девушку ты знаешь.

— Нет! — отрезала Марта. — В первый раз вижу

И как он ни уговаривал её, Марта стояла на своём. Настроение её было безнадежно испорчено, она уже не только не прижималась к Васе, но избегала его взгляда. Поднявшись с дивана, она уже более не садилась и при первой же паузе намекнула, что время позднее.

Когда Вася уходил, она даже не ответила на его любезное прощание: молча захлопнула дверь

Он надеялся всё узнать у Марты Сторецкой, а вместо этого не узнал ничего

Впрочем, он узнал, что Марте лицо девочки знакомо, это раз; второе — Марта боится говорить об этом; третье (и тоже для Васи несомненное) — Марта знает о какой-то связи между девочкой и двумя преступлениями.

Оставалось встретиться только с Ингой Лаврентьевой. Помня, как разбилось об неё бульдожье упрямство Шовкопляса, Вася не возлагал на Ингу особых надежд.

Но получилось иначе.

Он встретил её после работы, с ней рядом шёл Кондратьев.

— Здравствуйте, — сказал им Вася.

— Привет, — равнодушно сказала Инга.

— Здравствуй, если не шутишь, — настороженно ответил её спутник.

— Фёдор, — сказал ему Вася, — мне надо немного поговорить с Ингой. Ты бы прошёл вперёд на несколько шагов.

— Смотри-ка, а он парень не робкий, — саркастически заметил Кондратьев, обращаясь к Инге.

Потом ответил Васе:

— А ты бы не хотел пролететь вперёд на несколько метров?

— Кого ты пугаешь, Федя? — сказала Инга. — Он же Робку-алкаша на пожаре спас. Он и в самом деле не робкий, да и не слабый. . . Доброволец угрозыска.

— Ты, Федя, не шуми, — сказал Вася. — У меня к Инге чисто деловой вопрос, отбивать её у тебя не собираюсь.

— И не способен, — музыкально мурлыкала Инга.

Вася даже бровью не повёл. Он ждал.

Инга и Федя обменялись короткими взглядами, и Федя, угрожающе сплюнув, прошёл вперёд.

— Инга, я попрошу вас никому не рассказывать о том, что я у вас спрошу. Вы обещаете?

— Ладно, не скажу.

Он вынул фото и в ладони показал Инге.

— Вы знаете эту девушку?

Она прошла несколько шагов, молча разглядывая, потом спросила странно изменившимся голосом:

— Откуда у вас это?

— Инга, я вам отвечу на этот вопрос, если вы мне расскажете то, что знаете. А вы знаете.

— Да, знаю, — глухо ответила она.

Он убрал карточку в карман.

— Эта девочка — из Саратова, она занимается плаваньем, спортсменка, — бесцветным голосом заговорила Инга. — Зовут её Нонна, фамилию не помню. Она приезжала сюда летом, к подруге, а кто эта подруга — не знаю. Я её видела на Ольховом берегу. За этой Нонной ухаживали какие-то ребята. Наша компания обратила на неё внимание. Ребята подвыпили, стали с Нонной грубить, она от них вырывалась. Наших было много, я с ними вместе отбила девчонок у этих пацанов. Вышел небольшая драка. Потом мы отвезли девчат в город. . . . Больше я её не видела. Наверное, уехала к себе в Саратов.

— А кто был тогда с вами на пляже?

— Хантурин, Потапенко, Маркелов, ещё Петя Лисицын из автодорожного техникума и кто-то ещё. . . не помню. . . Человек пять или шесть, не считая женщин.

— И это как раз было в тот пикник, когда вы единожды гуляли в компании Хантурина?

— В тот самый раз.

— Феди не было?

— Федя не из той компании.
 — Никодима Эрастовича не было?
 — Нет.
 — А он не мог познакомиться с Нонной после этого?
 — Не знаю. . . Может быть, Хантурин или Маркелов познакомили.
 — Спасибо, Инга.
 — А откуда у вас карточка?
 — Когда сгорела моменталка, милиция нашла в сейфе у Роберта Ис-
 аева пачку фотографий. Там ыла эта карочка.
 — Только эта одна?
 — Нет. Не только.
 Он замолчал и посмотрел на Ингу. На ней лица не было.
 — Что с вами, Инга?
 — Устала. День был тяжёлый. Федя!
 Он мгновенно подошёл, почти подбежал, яростно-напряжённый, с улыб-
 кой злобы на лице.
 — Феденька, возъм меня под руку, каблуки скользят.
 — Наворковались? — хищно пошутил Федя.
 — Всё в порядке, — ответил Вася. — Спасибо, Инга!
 — Не за что.
 Вася откланялся.
 Инга что-то скрывала, это было ясно. Но она без колебаний, без за-
 пинок выложила вполне естественную и связную историю.
 Она знала о фотографиях, которые делал Новосильцев. Возможно,
 знала и о том, кто их обрабатывал.
 Она была испугана, как и Марта Сторецкая
 Впрочем, не так. Иначе как-то.
 Чем может испугать человека фотография такой красивой девочки?
 Вася медленно возвращался домой, обдумывая эту головоломку.

Глава VIII. Нонна и Эмма.

— Поздравляю, Григорий Тарасович, — сказал Портнов. — С делом
 ты быстро справился.
 Он встал и открыл окно кабинета. Апрель был тёплый.
 — Разрешаю курить, товарищи.
 — Не всё удалось, — сказал скромно Шовкопляс. — Часть похищен-
 ных вещей пропала, и нам не удалось установить — куда.
 — Что именно?
 — Дамские вещи: заграничная сумочка, дорогая парфюмерия, укра-
 шения. . .
 — Продано?
 — Не похоже. Всё проданное мы разыскали.

- А что говорят юные грабители?
- В этой точке — ничего. Молчат. «Не знаю, не ведаю».
- А приёмщик?
- Он показывает, что эти вещи до него не доходили.
- Занятно. Надо продолжить. Девчонкам раздали?
- Девчонок мы выявили; говорили и с ними самими, и с их родителями. Глухо. Никто не видел.
- Занятно, — повторил Портнов. — Ну, что ж, надо тебе снова брать дело об убийстве Новосильцева и о поджоге моменталки. Василий Тимофеевич, введи в курс дела.
- Были посланы запросы в Ленинград и Балашов. Ответа ещё нет?
- Из Балашова есть. Я потом всех ознакомлю. Что насчёт этой девчонки?
- Тут у нас две взаимоисключающих версии, — начал Заблуда, откровенная блокнот. — Первая версия: девочка живёт в пригороде, в Заречной слободе, со старой бабкой и, возможно, сирота. За ней ухаживают несколько хулиганов слободы, так называемых «болотников». Иногда (летом) она бывает в городе. Видимо, значала Новосильцева и некоторых лиц из его окружения. Красиво, хорошо одевается. Четырнадцать лет, но очень заметна ранняя зрелость, рост от метра пятидесяти пяти до метра шестидесяти. Поведение развязное, речь — как у хулиганов; имеет сильное влияние на «болотников». С прошлого лета её в городе не видели.
- Типичная фигура. А вторая версия?
- Вторая дана одной лишь Ингой Лаврентьевой. Девочка приезжала в гости к неизвестной подруге. Имя девочки — Нонна, она спортсменка, занимается плаванием, живёт в Саратове. На Ольховом берегу Нонна и её подруга были в компании неизвестных подростков, которые выпили и стали грубо присавать к Нонне. Она вырывалась. Компания Хантурина по инициативе Лаврентьевой прогнала подростков и проводила девочек в город. В компании Новосильцева не было, но возможность его последующего знакомства с Нонной Лаврентьева не исключает.
- Странно! — удивился Портнов. — Для чего бы Лаврентьевой врать или выдумывать?
- Сам не пойму, — честно признался Вася. — Её версия тоже звучит вполне правдоподобно. Я думаю, можно примирить обе версии: Нонна, приехав в Н., останавливалась у подруг, живущей в Заречной слободе. Анализ фотоснимков я делал с помощью Шварцмана. На них девочка. . . .
- Будем пока звать её Нонна, — решил Портнов.
- Так вот, Нонна физически здорова, несколько преждевременно развита, но, судя по рукам и плечам, плаванием не занимается.
- Руки тонкие? Плечи худые?

— Нет, не совсем так. Шварцман говорит: «Нормальная девчонка, мускулатура средняя, вполне возможно, что и плавать умеет, но это не спортсменка, и в частности — не пловчиха».

— Выходит, показание неверное?

— Лаврентьева могла получить такие сведения от Нонны. . .

— Или сочинила сама, — вставил Шовкопляс. — Темнит Лаврентьева, хочет помешать следствию.

Возник короткий спор: Вася в нём не участвовал.

— Кто лучше знает Заречную слободу? — спросил Портнов.

— Она входит в ведение сельского райсовета, значит, надо у Прокуменщикова справляться.

— Съездите к нему с фотокарточкой, дайте ему наши сведения: пусть пороеется в воспоминаниях. . . Дело серьёзное. За девчонкой кто-то стоит. Не может быть, чтобы эти сопляки из окружения Нонны пошли на два убийства и поджог. Это не их специфика.

— Завтра же навещу Прокуменщикова, — сказал Шовкопляс. — Они свою слободку знают.

— Теперь ответ на запрос Василия Тимофеевича.

Портнов выдвинул ящик стола и достал из него распечатанный конверт.

— Мы запрашивали балашовских друзей: какие у них есть сведения о человеке по кличке «Цыганский барон», который проживал в Балашове после войны вместе с женщиной, имя которой начинается на Э. Предположительно оба они побывали в оккупации, где-то на Юге, возможно, что на Украине или в Ростове, Ейске, в Крыму. . . Точно не известно. «Цыганский барон» и женщина Э. не преследовались за какие-либо преступления в оккупац, работали в Балашове, испытывали материальные затруднения. «Цыганский барон» хорошо образован, обладает живым слогом письменной и, вероятно, устной речи. Не исключено, что журналист или учитель.

От всё, что Василий Тимофеевич смог выжать из письма «Цыганского барона» к убитому.

Повисло напряжённое молчание.

— Наши балашовские друзья — молодцы! Задача у них была трудная, и справились они с ней блестяще, причём за очень короткий срок. Им помогли два бывших работника милиции, пенсионеры. И начали они с женщины. После войны в Балашове появилась молодая учительница Эмма Рабинович, еврейка по национальности, хорошо владела немецким языком, это было понятно: еврейский язык похож на немецкий. Преподавала в одной школе, вместе с мужем. Она вела немецкий язык, он — географию и историю. Тоже назывался Рабинович, брюнет, но совершенно не еврейского типа. В летние каникулы сорок седьмого года он выехал один из Балашова и исчез. Эмма Рабинович обратилась за помощью

в милицию. Путь её мужа удалось проследить до станции Лиски. Здесь он пропал. Вскоре после этого его жена уехала в Москву. Но это не всё.

Через год в Балашов поступил запрос из органов о советской гражданке немецкой национальности, родом из города Риги, по имени Эмма Кирхендорф, она же баронесса фон Кирхендорф. Приложенное к запросу фото не оставляло сомнений, что мнимая Рабинович, юбрюнеточка, похожая на еврейку, на самом деле была Кирхендорф, работавшая в органах оккупационной администрации на Украине с конца 1941 года по 1944 год. Одновременно поступило заявление за двадцатью подписями балашовских граждан, что исчезнувший Рабинович — не тот, за кого он себя выдаёт, определенно не еврей (в числе двадцати подписавшихся было несколько евреев) и что его имя, отчество и фамилия совпадают с одним житомирским дантистом расстрелянным а 1941 году: присвоение чужих документов.

-Ну, обнаглели!- воскликнул Шовкопляс.

Мустафа Ахметов спросил:

— Почему же только через год? Почему заявление не посткпило, когда этот человек был ещё в Балашове?

— Потому что незадолго до его отъезда в отпуск приехал в Балашов на работу некий Шамраевский, до войны лешившийся в Житомире у настоящего Рабиновича. Удивлённый совпадением фамилии, имени, отчества, он стал наводить справки, и только тогда одна женщина показала, что у мнимого Рабиновича на руке была татуировка, почти уничтоженная, сплошной шрам, но осталось одно слово: «всходит». Понимаете?

— «За Сибиром солнце всходит», — сказали одновременно Коровин и Шовкопляс.

— Песня Кармемока!

— Да, товарищи, прекрасная песня, а её первая строчка — это любимая тема блатной татуировки: линия горизонта, лучи сверху, эти слова снизу.

— Типичная наколка, видали!

— Теперь представьте себе зубного врача из Житомира стакой татуировкой. Ясное дело, что-то не так. Шамраевский навёл справки в Житомире. Похоже, что «Цыганский барон! Был не евреем, а карателем, который расстреливал евреев. Видимо, он и его Эмма почуяли опасность и скрылись.

— Нет, не совсем так!- внезапно вмешался молчавший до этого Вася Заблуда. — Концы не сходятся Эмма не стала бы подавать на розыск, если бы они хотели скрыться. Они считали себя в безопасности.

— Посчитайте, посчитайте!- воскликнул Шовкопляс. — А почему решили что балашовский корреспондент Новосильцева и учитель географии под фамилией Рабинович — одно и то же лицо?

— Вот здесь-то и есть главное подтверждение факта, что Заблуда нам всем сто очков вперёд может дать, — сказал Портнов.

Он вынул из конверта фотографию фривольной брюнеточки в чёрном пеньюаре, холодно и демонически глядящей в объектив сквозь дыб длинной сигареты.

— Вот Эмма Кирхендорф!- сказал он. — Фото изъто у одного балашовского служащего, который в 1947 году состоял в связи с Эммой. Смотрите!

— Та же самая!- вскричал Шовкопляс.

— Это баба из альбома Новосильцева!

— «Чёрный ангел», — пробормотал Заблуда. — Второй экземпляр фотографии. Есть надпись на обороте?

— Есть, — ответил Портнов и перевернул карточку. — «Теперь ты веришь, что я создана для любви?»

— Вольная вариация той, немецкой надписи, — пробормотал Заблуда.

— Точно, — сказал Портнов. — Таким образом, гипотезы Василия Тимофеевича подтверждаются документально. Новосильцев во время оккупации жил с этой потаскухой. Нам надо прислушаться к предложению Заблуды. Что ты хотел сказать, Василий Тимофеевич?

— Я полагаю, что «Барон» Выехал для встречи с Новосильцевым, согласно письму. Целью поездки был шантаж, получение денег с Новосильцева. Очевидно, о том, что делал «Барон» выехал для встречи с Новосильцевым, согласно письму. Целью поездки был шантаж, получение денег с Новосильцева. Очевидно, о том, что делал «Барон» в Житомире, Новосильцев не знал, иначе у шантажиста не было бы никакого преимущества. Видимо, в период знакомства «Барона» и Эммы с Новосильцевым последний занимал крупный пост, а эти две — менее значительные.

— Почему ты так думаешь?

— Психология. Шантажируют бывшие подчиненные своих бывших начальников. Наоборот — практически никогда не бывает.

— Продолжай.

— Эмма была уверена в полной безопасности их подложных паспортов, иначе она не обратилась бы в балашовскую милицию. Узнав, что муж (или сожитель) пропал на Панции Лиски, она была чем-то испугана и скрылась у Балашова. Думаю, сменила имя и документы. Можно её вычёркивать, найти её практически невозможно. Думается, «Цыганского барона» мы тоже никогда не увидим.

— Почему?

— Скорее всего, он умер в 1947 году. Он ехал в какой-то большой город — или в Воронеж, или в Харьков. В его письме Новосильцеву сказано: «А мы живём в глуши...» Значит, адресат живёт не в глуши. В городе, по сравнению с которым Балашов может быть назван глушью. И Новосильцев встретил «Барона» в Лисках, поскольку был извещён телеграммой. Очевидно, «Барон» сошёл с поезда. Больше сведений о нём нет. А Новосильцев прожил ещё тридцать четыре года.

— Так ты, что полагаешь? Ты . . . ты считаешь. . . — в удивлении заговорил Шовкопляс.

— Я считаю, что Новосильцев от «Барона» избавился.

— Ликвидировал?

— Да. И сам тут же уехал из тех краёв. И переезжал с места на место, пока не осел в нашем городе. Сами понимаете, нам тоже с Харьковом тягаться трудно, да и далеко здесь от бывших оккупированных территорий. И фамилия «Новосильцев» вымышленная, потому что в 1944 году он ещё был Николай Эрастович Неплюев, антиквар. Заметив, хрусталь и фарфор у него до конца были антикварные.

— Ну, подпольным миллионером он не был!

— Нет, не был. Его деньги не интересовали, он был эротоман, с декадентской изысканностью, грязноватый. Такие денег не копят. И погубила его грязная игра с Нонной. Если мы найдём Нонну, то убийцей окажется её отец.

— Отец?

— Ну, да, — ответил Вася — Нонна не сумела скрыть свою близость с Новосильцевым, в семье об этом дознались, и отец отомстил растлителю. Он стремился также уничтожить ту серию фотографий, что лежала в моменталке, но ничего не знал о фотографии Нонны в альбоме убитого. . . та, где она в ванне. . .

— Почему именно отец? — спросил Ахметов.

— Мужа у Нонны быть ещё не может, а любовник четырнадцатилетней — это такая же свинья, как Новосильцев, и не стал бы убивать себе подобного. Несовершеннолетние друзья Нонны тоже не пошли бы на два таких дела, остаётся отец.